

www.tvoyakniga.ru

Современное Воскресенское литературное объединение «Радуга» им. И. И. Лажечникова находится в преддверии двадцатилетия. За это короткое время оно сформировалось в активно работающую творческую организацию, насчитывающую в своих рядах 48 человек, из которых 26 – члены Союза писателей России. Выпущено около 140 книг стихов и прозы. Единственное в стране ЛИТО, награждённое Международной организацией русскоязычных писателей за творческие успехи орденом «Культурное наследие».

ISBN 978-5-907026-88-9

9 785907 026889

Благословенные слова

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ СЛОВА

ЛИТО «Радуга» им. И. И. Лажечникова

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ СЛОВА

*Сборник лирики и прозы
членов литературного объединения
«Радуга» им. И.И. Лажечникова
г. Воскресенска Московской области*

Воскресенск
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Б53

ISBN 978-5-907026-88-9

Главный редактор: *Л.А. Дудин*

Составитель: *О.А. Новикова*

Редколлегия: *С.С. Антипов, Д.В. Минаев*

Благословенные слова.

Б53 Сборник лирики и прозы членов литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова г. Воскресенска Московской области / [Сост.: О.А. Новикова; авт. вступ. ст.: Л.А. Дудин]. — Воскресенск: Серебро Слов, 2018. — 150 с.

ISBN 978-5-907026-88-9

© Авторы, 2018

© Тимошкин П., Слободянюк Е.,
наследники, 2018

© Новикова О.А., составление, 2018

© Анисимова Е.В., обложка, 2018

© Серебро Слов, 2018

А ЧТО ТАМ, ЗА ЗВЁЗДАМИ?

Для нас, непосвящённых, то есть даже не учеников Великих духовных учителей, посетивших Землю, остаётся ой как много ещё неясного, непонятного! Но влечение к свету Благодати всегда будет присутствовать в наших душах, беспокоить нас и, не оставляя в покое, вызывать к поиску благословенных слов, побуждающих к сотворению добра.

Когда есть стремление к высшему, то есть к поэзии, все, казалось бы, сложные греческие слова, такие как эзотеризм (тайное, скрытое, самопознание), теософия (мистическое богопознание), гнозис (находить Бога в себе), становятся, прикоснувшись к русской душе, понятными, близкими, необходимыми для высокого творчества.

Книга Ольги Новиковой «Благословенные слова» собрала под свою «крышу» очень много, говоря словами Владимира Маяковского, «поэтов хороших и разных». И ничего не стоило бы выстроить всех авторов по творческому ранжиру, или, как раньше делал журнал «Поэзия», по рейтингу, а ещё раньше – так, как делалось в дни моей молодости, при подведении итогов соцсоревнования: с потолка.

Но в данном случае подобное сделать никак невозможно, ибо это приводит к несурзному. Это всё равно что сравнивать, кто больше любит Создателя.

Мы часто любопытствуем: «А что там, за горизонтом?» – заходя полагая, что там, за горизонтом, другие места, другие деревни и города. Реки, леса, озёра... И это правильно.

Однако, ставя вопрос почти тот же, но только меняя его вектор, а именно: «А что там, за звёздами?» – мы никогда предметно не увидим ни других городов, ни весей и ничего подобного, привычного, земного. Мы увидим только звёзды. Без начала и конца. Близкие и далёкие. Живущие своей звёздной жизнью, обмениваясь негромко друг с другом звёздными словами.

Этот разговор и услышала однажды душа М. Ю. Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?..

Только поэтически глухой не заметит немедленного перехода от Космоса к Душе, вернее, к её боли. От макро- до микромира. В обе стороны – глубина бесконечная, не сравнимая ни с чем, даже в мыслях.

Задача Ольги Новиковой как составителя сборника сводилась и к тому, чтобы увидеть не только масштабные запросы авторов, но заглянуть и в доступные пространства души каждого из них, порадоваться вместе с ними и погрузиться.

Она заметила незаметные для других уважение и любовь авторов к самим себе, не стала их ограничивать в этом светлом порыве. Здесь термин «к самим себе» не предполагает голое Эго – здесь полное принятие своих духовных качеств и внешности, забот о себе и саморазвитии.

Пишущий человек не должен быть примитивом. Он, коль выходит к людям со словом, обязан нести в себе выработанные и выверенные веками библейские ценности, ибо они общечеловеческие.

Благословенные слова – это слова, идущие от сердца, благодарные и прекрасные. Счастливые, благополучные, радостные, дозволенные...

Читая авторские рукописи, можно заметить, что все эти признаки эстетики в книге присутствуют. Им дана вольная воля. Слова расставлены в гармонический ряд, хотя где-то строки чуть понадломлены и звучат несколько расстроено. А может, так кажется со стороны?

Издание, выпускаясь талантливым поэтом Ольгой Новиковой, даёт возможность многим литераторам чувствовать себя вполне комфортно как на страницах книги, так и на крутых каскадах житейских дорог.

И, что бы ни происходило в душе поэта, он всегда будет верен одному: идти по нелёгкому пути к истине, осваивать то, что известно посвящённым, и принимать искренне Благодать Творца.

Леонид Дудин

Действительный член Академии Российской словесности,

Член Союза писателей России.

г. Воскресенск, ЛИТО им. И. И. Лажечникова

Леонид ДУДИН

*Действительный член Академии Российской словесности,
Член Правления Союза писателей России
пос. Белоозёрский Воскресенского района*

Почётный председатель ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

И СВЕТЛЫ, И ОТКРЫТЫ

(На родине)

1

Легко полевая тропинка
Бежит, раздвигая стерню,
К торжественно-чинным Починкам
С домами — один к одному.

Отцы их рубили как надо,
Добродно рубили сыны
Из самой звенящей и ладной
Высокой столетней сосны.

Несложные телеантенны,
Линую пейзаж новизной,
Над шифером крыш постепенно
Сливаются с голубизной.

Здесь нет на весёлых калитках
Тяжёлых и скучных замков.
Дома и светлы, и открыты,
Как души моих земляков.

Мне эти дома с малолетства
Понять до конца помогли,
Что нет драгоценней наследства,
Чем чувство родимой земли.

Леонид Дудин

2

Стоит у высокого тына
Недвижимо тихая мать
И самого младшего сына
Сквозь солнце не может узнать.

Но вот покачнулась легонько,
Вдохнула чуть слышно: «Сынок...»
Ведро, прозвенев о щебёнку,
Скатилось в горячий песок.

В ОТПУСКЕ

За Веретии снова меня унесёт.
Там у самой рогастой коряги
В изголовье себе положу туесок
И в уютный багульник прилягу.

Позабуду — и сразу! — где север, где юг,
Загляжусь, как над ранней равниной
В неоглядную даль облака поплывут —
Красотою, ни с чем не сравнимой.

Скоро бабы придут, подойдут мужики
О судьбе, о любви поаукать...
Большеглазая клюква, срываясь с руки,
Заспешит о ведёрочки стучать.

А пока затаилась окрест тишина —
Та, которой нигде не услышишь.
Рядом, вытянув шею, подросток-сосна
Замерла надо мной и... не дышит.

* * *

Восходили громадой леса
Над каньоном по имени Кайлъка...
Мне впервые себя стало жалко,
Что живут без меня чудеса.

Еле тлеет белёсым огнём
Среди елей за озером будка,
Рядом крякнула дикая утка,
Сожалея о чём-то своём.

Перед домом стою. Вдалеке
Облака над Гривицким редутом.
Ну а здесь лучезарное утро.
Белый дом. Слово дом в молоке.

Двери, окна, терраса, цветы —
И в объятья бегущая ты.

ВОДНЫЕ ЛЫЖИ

Я лечу золочёной стрелой
По вершинам крутых синусоид —
Ради нового всё-таки стоит
Подниматься хоть раз над собой.

Я лечу... Дробно лыжи стучат
По угорам упругого стрежня.
Ветер гладит меня безмятежно,
Оставляя тепло на плечах.

Вот последний вираж. И волна
С придыханием ноги целует...
До сих пор Ангелина ревнует
Ко мне речку по имени Цна.

* * *

Поле Цоновска

Мне забыться бы надо,
заснуть среди поля
В аромате цветов
и увидеть во сне,
Как за далью восходит
желанная Поля
И звездой опускается
в руки ко мне.

Я тогда бы познал,
что мне делать со счастьем, —
Близко к сердцу прижал бы,
забыв про года,
Для себя одного
всё бы я заграбастал
И не стал бы делиться
ни с кем никогда.

Пусть не сбудется сон,
и мечта пусть поникнет,
Пусть в Болгарии много
и гор, и равнин,
Но над всею красой
есть крылатая Нике —
И полёт её смелый
ни с чем не сравним.

Потому я не зря
в мир победный явился,
Чтоб тебя видеть, Поля,
и Долну твою,
Твой космический Град,
Митрополии выси
Да желанный восход
в Придунайском краю.

* * *

Сестре Серафиме

Почитай, Серафима, стихи —
 Я давно откровенья не слыхивал.
 Кто же так его бережно выковал
 Из беспомощно-хрупкой строки?

То уйдёт откровенье в Лесные,
 То в Починки рванёт, клокоча,
 И оставит узоры резные
 На журчанье родного ключа.

Почитай, Серафима, стихи —
 Я волненья давно не испытывал...
 Нам ли быть у корыта разбитого.
 Если мы — ну и впрямь! — от сохи.

Вот опять — степь, дорога, снега,
 Да ракеты на стартах покоятся...
 А мне кажется, старты — стога,
 А дорога — река Водопойница.

И в любых далях, самых глухих,
 Мне всегда моя родина грезится...
 Если нам предстоит ещё встретиться, —
 Почитай, Серафима, стихи.

НА РЕЧКЕ ХМЕЛЁВКЕ

(отрывок из рассказа)

...Сколько бы лет ни прошло, я всегда буду помнить жаркую страду сенокоса. И не столько, быть может, буду помнить саму работу, солнце, гудящие тучи овода, а скорей всего, мать.

Мать, склонившуюся над костром во время обеда. Она — само ожидание. Вот-вот закипит чайник, чёрный-пречёрный от широкого донца до самого среза рыльца. Затем, сняв его с таганка, мать тихо опустит в кипящую воду ещё более тихие листья смородины и отнесёт чайник в траву. Остужать. Минут через десять начнётся чаепитие. С сахаром. Вприкуску. Обязательно вприкуску, иначе не до конца можно понять чистый букет густого настоя этого скромного лесного кустарника. И нет в мире нигде напитка, утолявшего бы так сенокосную жажду, как этот чай, приготовленный моей матерью.

Окультуренная смородина такой ароматной не бывает. Только лесные дикие листья и ягоды и только в наших местах могут поразить вкусовое воображение человека. Возможно, не каждого, а лишь того, кто впитал запах родины вместе с молоком материнским.

...Только сейчас я понял, почему мне не пришлось искать этот задумчивый куст смородины. Наверняка сработали неизведанные нити связи меня с землёй, на которой я вырос. Эти связи, казалось бы, навсегда порванные, вдруг зазвенели, заговорили и повели, независимо от меня самого, по тем старым забытым признакам, которые естественно жили во мне всегда.

...Только сейчас я понял, что человек, построивший эту избушку, не мог выбрать другого места. Он не мог выбрать места без бора, без речки, без смородины.

Наверное, так и поступали наши предки, когда выбирали место для будущих деревень и городов. Высокий бугор. Вода. И обязательно — смородина. И думается, что уж не от сочетания ли слова «сама» и слова «родина» произошло название этого чистого кустарника? Сама родина. Пахнет самой родиной. Пахнет смородиной.

Возможно, так оно и было. Слияние двух слов в единое. Для нас всех незаменимое — смородина. И когда я слышу теперь этот запах, чуть слышно, для себя, повторяю:

— Пахнет матерью... Пахнет самой родиной...

ЗАТОЧЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ

Давно подмечено, что если в жизнь вошёл душевный разлад и трудно найти достойный выход из сложившихся вокруг тебя обстоятельств — обязательно привяжется недомогание, а то и болезнь. Как говорится: пришла беда — открывай ворота. Вот только что это? Расплата, наказание? А может быть, благо, скидывающее давление своеобразным предохранительным клапаном и дающее возможность круто, без «потери лица» и с пониманием окружающими изменить жизненный курс? Поиску решений помогает и сопутствующая изолированность от повседневных раздражителей. Не сразу это принимаешь.

После окончания московского вуза выбор места обязательной трёхгодичной отработки по распределению у меня был невелик. В родной город направлений не было — профильных предприятий не значилось, а «блата» я не имел. Остаться в столице без предоставления жилья — это мотаться каждый день из дома в дальнем Подмоскowie и полжизни провести в электричках. Или отправиться в захолустный посёлок инженером научно-испытательной станции известного московского НИИ, где крышу благоустроенную предоставляли. Согласился на последнее.

Посёлок оказался довольно современным: сплошь многоэтажки, соцкультбыт имелся, кругом молодёжь, работа в пяти минутах от дома. Что ещё надо бывшему студенту, не обременённому семьёй?

Поселили в комфортабельную двухкомнатную квартиру вместе с тремя молодыми специалистами из Белоруссии. Парни компанейские, добродушные.

Определили в научно-исследовательский и опытно-конструкторский отдел перспективных поисковых разработок. Согласитесь, звучит весомо. Положили оклад рядового

инженера-конструктора в размере 105 рублей. Скромновато даже для середины 1970-х годов. Но я и раньше-то не шибко «барствовал» — родителей потерял рано, а потому кормил и одевал себя сам на стипендию да подработку грузчиком, токарем, ночным дежурным лаборантом.

Заместителем директора станции работал известный в отрасли учёный, изобретавший принципиально новую модель отечественного трактора, который обещал своего рода техническую революцию в сельском хозяйстве, да и не только там. Жуть как интересно!

Наш отдел был основным в этих инновациях. Но мало изобрести саму машину — надо доказать её полезность и будущую эффективность. И вот замдиректора выбрал меня для того, чтобы я занялся привязкой к новому трактору шлейфа производимых в стране сельскохозяйственных агрегатов: зерно-, картофеле-, хлопко- и прочих уборочных комбайнов, а равно других сеялок-веялок. И не просто назначил ответственным, но и включил в мою группу «агрегатирования» двух помощниц — инженера (кажется, с текстильным образованием) и техника-чертёжника. От такого доверия я начал фонтанировать идеями. Некоторые предложения начальнику казались фантастическими, но потом он их всё-таки принимал и уже спокойно выдавал за свои. Меня это мало задевало. Просто удивляло: ворчал, что это глупости, — и вот... Всё по поговорке о новаторстве: «Сначала — бред, потом — вред, в конечном счёте — а как могло быть иначе!»

Сидя только в кабинете, серьёзно заниматься механизмами и отслеживать перспективные разработки невозможно. Меня стали направлять в командировки на заводы, НИИ, на заседания отраслевых научно-технических советов. Сначала в Москве, затем в Таганроге, в Ташкенте...

Таганрог больше всего запомнился своей солёностью: солёный суп, солёное пиво, даже солёная водка — можно как-то вытерпеть, но солёная вода, солёный чай, солёный кофе!.. В общем, прелести приморского города.

Зимний, но солнечный Ташкент понравился больше. Изумил узбекский плов, которым угощали на приёме у заместителя министра сельского хозяйства Узбекистана.

Золотистый цвет! Рисинка к рисинке! Волшебный запах! А вкус... — ум разъешь! Прошло сорок лет, а всё ещё чувствую его на языке. С тех пор, где бы ни угощали пловом — всегда вижу только рисовую кашу.

Казалось бы, всё складывается удачно и на работе, и в личной жизни — женским вниманием не был обделён, а к одной подруге даже чуть ли не жить переехал. Но часто снились места родные. Душа, как птица из клетки, рвалась туда, где вырос. Да и перспективы ближайшей женитьбы что-то не привлекали вовсе (не нагулялся ещё!), хоть молодым семьям здесь квартиры давали быстро. Стали мучить думы о вариантах освобождения от крепостной зависимости и возвращения домой. Но ничего реального на ум не приходило.

Права поговорка: за всё нужно платить! Спустя немного времени по возвращении из Ташкента как-то странно занемог. Местный доктор определил желтуху. Звучало страшно. Тут же взяли под белые ручки и отвезли в неблизкий районный центр. Там сразу в отдельный блок инфекционного отделения. Врачебный приговор: полный карантин — месяц одиночного заточения.

Вот и представьте себе: энергичного 23-летнего парня запереть одного в казённо окрашенной и кафелированной комнате, из которой запрещён выход даже в больничный коридор. А на дворе зима, за окном тускло и тоскливо, от тамбура запасного выхода тянет холодом. Нет не только телевизора, но и радио. Поговорить и то не с кем. Жуть и тоска. В общем, приговорили. А ещё «издеваются» со своими уколами и анализами!

Товарищи из посёлка приехали в первый выходной, а потом пропали: не ближний свет кататься на автобусе, чтобы поглядеть через окно на человека, которого знаешь меньше четырёх месяцев.

А пассия, которая ещё недавно шептала о страстной любви и настойчиво намекала на желание выйти замуж, так ни разу за месяц неволи и не появилась. Должно быть, испугалась сама или маменька её — заразный всё-таки. Я её не осуждал! Первое же испытание вовремя, наверное, нас

развело. А неплохо было бы съесть чего-нибудь домашнего. Вот когда осознаёшь, что от родни далеко отрываться нельзя — даже по телефону никому не удалось сообщить о своей беде (не нынешние времена!). Но как-то перебился и на больничных харчах.

Времени уйма, бока уже отлежал, спать не хочется, людей вижу пять-шесть раз в день, да и те с медицинскими манипуляциями или со столовой посудой. Заглядывала несколько раз заведованием со своей нуждой: нарисовать санбюллетень, начертить схему эвакуации при пожаре — мне не трудно.

Я мог бы от стерильной тоски сойти с ума, если бы не обнаружил стопу журналов. Слава тем сотрудникам, которые не уничтожали их, несмотря на карантинный режим. Это же, наверное, с точки зрения санитарии — рассадник инфекции. А может быть, права народная мудрость: «Зараза к заразе не пристаёт».

Книги и газеты мне не были чужды и раньше — в детстве рядом с домом была хорошая библиотека. Но так, как в больничной палате, я не читал никогда — ни до, ни после. Названия всех изданий уже забылись, но точно помню, что многолетние номера журналов «Юность» и «Иностранная литература» я заглатывал от корки до корки — вплоть до выходных данных и состава редакционного совета. Там была целая палитра жанров. Читал всё подряд: поэзию, прозу, публицистику, рецензии, предисловия... Что-то было и сиюминутное, но больше, как теперь понимаю, стоящее. Это были «мои университеты». Калейдоскоп информации по разнообразию не уступал настенному отрывному календарю, который в моём детстве простым людям своей доступностью нередко заменял энциклопедии. Конечно, если бы не ограничение свободы выбора занятия и общения — вряд ли бы я переварил такой пёстрый ворох литературы.

Теперь уже больше верю рассказам о том, что малограмотные, еле-еле окончившие церковно-приходскую трёхлетку революционеры начала XX века в тюремных камерах при системном подходе достигали определённого уровня

образования, позволившего им впоследствии вершить государственные дела.

Кажется, что сейчас возможность получения информации возросла неимоверно: телевидение, радио, интернет, печатные издания чудовищно запленили нашу жизнь. Ах нет! Нарастающий объём пролетающего через наши глаза и уши глотается, но сознания не достигает. Нет никакой мотивации его фильтровать и анализировать. При обилии информационного мусора, может, это и к лучшему?

Самое главное — месячное «заточение в университетах» располагало к спокойному раздумью о своих делах и проблемах.

Так или иначе, из больницы я вышел другим человеком. С «невестой» расстался сразу без выяснения отношений и надрыва. Представив в министерство предписание врачей о необходимости домашней диеты, получил нужное согласование и уехал в родной город, несмотря на подготовленный приказ о повышении в должности с полуторным увеличением оклада и соблазнением аспирантурой. Но, что более удивительно, к техническим пристрастиям вдруг добавились и гуманитарные, тяга к слову. И, кстати, недуг прошёл без последствий — наверное, первопричина его нашла разрешение.

Позже, через четверть века, в схожей, но более драматичной ситуации я утвердился в мысли, что болезнь — это не столько испытание тела, в большей мере — это испытание души. Она во многом следствие движения в некий тупик. Можно, конечно, и лекарства горстями глотать, и на диеты сесть, и отдыхать больше. Но вернее будет задуматься о чём-то более важном для тебя. А если отмахнуться, перетерпеть, упорствовать — клапан сорвёт. И кардинальность решения должна быть соразмерна серьёзности недуга.

Правда, смущает одна загадка: когда болит всё, как угадать — что от чего?..

Сергей АНТИПОВ

*Заместитель Председателя Правления Московской
областной организации Союза писателей России
г. Москва*

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

СЛОВО

Слово — не просто цепочка из букв
Или название разным предметам,
Слово — как Сердца Всевышнего стук,
Что получается слышать поэтам...

Слово порой превращается в меч, —
Горе тому, кто им машет бездумно:
Ради того, чтоб «своих» уберечь,
Разные Силы активны в Подлунной...

Словом возможно создать целый мир
Или кого-нибудь сделать счастливым,
Каждое слово, что ты породил, —
Словно источник невидимой Силы!

Если в поэты ты призван Судьбой,
Верно служи живоносному Слову,
Да не прельстится пустой мишурой
Дух, на большие свершенья готовый...

Встанем, поэты, под Знамя Добра,
Сделаем мир наш светлее и чище,
Пусть говорят, что всё это — игра,
Но Игроками рождаются свыше!

ВЕЧЕР ПЕРЕД ПАСХОЙ

Апрель, суббота, тихий вечер:
Дожили мы с тобой до Пасхи...
Опять я ставил в храме свечи,
Судьбу меняя без опаски.

Опять молился дерзновенно,
И Свет искрился не вечерний,
И кровь пульсировала в венах,
Как знак того, что выбор верный.

Лечу теперь любви навстречу
И с Богом вместе воскресаю —
Какой же славный этот вечер,
Дающий нам ключи от Рая!

НА СТРАСТНОЙ

Опять болею на Страстной:
Сдавило горло и сосуды,
Холодный ветер за спиной —
Как будто шепчутся иуды...

Плетусь — болеть-то мне нельзя,
Заложник собственной программы,
Неверный ход — и нет ферзя:
Сожрут обыдленные хамы...

Держать приходится удар
От злых, тупых и бесполезных
И, избегая гнусных чар,
Лечить молитвою болезни...

МОЛИТВА ДЕКАБРЯ 2017-го

Свистит промозглый зимний ветер,
В лицо бросая мокрый снег,
Погоды хуже нет на свете —
В финале год ускорил бег.

Он был тяжёлый, словно гиря,
Но всё же легче во сто крат,
Чем тот, что вынесла Россия
Всего лишь век тому назад.

Сквозь вьюгу чудятся мне стоны
И будто даже детский плач:
Нещадно мучил миллионы
Кровавый демон и палач.

В петле времён я вижу лица
Ушедших ввысь своих родных
И вместе с ними помолиться
Спешу за мёртвых и живых...

В потоке высшей литургии
Взываю к Господу и я:
«Помилуй в этот раз Россию —
Минует чаша нас сия!»

ПУТЬ К ПРАВДЕ

К Правде Путь тернист и труден:
Всё молюсь, чтоб не сойти,
Как бельмо Он многим людям,
Но у них свои пути.

Я свой Путь искал годами
В ярком пламени души,
Но сказать о Нём словами
Сложно, чтоб не погрешить...

Кто способен сердце слышать,
Тот сейчас меня поймёт:
Надо лишь родиться свыше
И всегда идти вперёд!

ПРОЩЁНОЕ

Я прощаю и прощаюсь —
Так и правильной, и лучше,
Ты прости мне эту слабость:
Я, увы, не всемогущий.
Я прощаю и прощаюсь,
И в ответ прошу прощенья,
И молюсь, врагам на радость,
За их счастье и спасенье.

НА КРЕСТЕ

Распинают враги, распинают друзья,
Распинают, как прежде, иуды,
Распинают все те, кому верить нельзя:
Подхалимы, жлобы, лизоблюды.

Распинают козлы самых разных мастей,
Разрушая остатки иллюзий,
Но больнее всего, аж до хруста костей,
Распинают любимые люди...

ИДУ

Иду, люблю, творю, мечтаю,
Не то чтоб «для», но — вопреки,
Не то чтоб в центр, но по краю,
И очень часто — за буйки,

Иду, и в тернии дорога,
Иду, и камни скрыла слизь,
Но всякий раз прошу у Бога,
Чтоб путь стремился только ввысь

Зоя БОНДАРЕНКО

г. Воскресенск
ЛИТО «Радуга» им. ИИ. Лажечникова

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Я есть, ты есть, он есть...

Бермудский треугольник тоже есть.

Я думала, что только говорят, а вот нет, есть!

Живёшь себе, живёшь, вроде ничего такого и не делаешь. Просто встречаешься, просто общаешься, просто сближаешься.

Я есть, ты есть...

Я смотрю на тебя, ты на меня — и глаза сливаются.

А на руке кольцо... Это значит, я — жена, чья-то жена, не твоя. Его.

Я есть, он есть...

Я смотрю на него, он на меня — и глаза слезятся.

Он делает вид, что ничего не видит. А я всё чаще ухожу гулять одна.

Я есть, ты есть, он есть...

Все есть, а выхода нет! Но ведь должен быть. Иначе завазнешь, утонешь, пропадёшь, забермудишься.

Ищи! Ищу. Как там: «Я спросил у ясеня»... Ясень не ответил мне, качая головой. У друга тоже спрашивать не стоит.

— Господи, подскажи! Укажи выход из этого бермудства.

— Всё просто! Выход там, где вход...

БУМЕРАНГ

Сто раз сказано, сто раз писано, сто раз стукнуто! Нет, мало, просто необходимо, чтобы был сто первый...

Моё твёрдое решение больше ничего сегодня не покупать так же твёрдо вело меня в церковную лавку. *Ладно, только камни...* Эта мысль явно успокоила надеждой, что их здесь нет.

Но не тут-то было! Прямо передо мной на блюдечке красовались брелки из оникса.

Теперь вступала вторая часть диалога с собой. Я должна была обязательно что-то увидеть в камне, чтобы было оправдание его купить. Взяла не глядя два брелка... И тут же за спиной мужской голос явно наблюдавшего за мной человека произнёс: «Как это вы так выбрали? Посмотрите — на одном ангел, а на другом вроде лик! Берёте?»

Беру, беру, оправдание-то есть... Но диалог продолжался. Возьму, если мелких денег хватит, менять крупные не буду. Наспех пересчитав мелочь и подозревая, что немного не хватает, я ссыпала её в руки приветливой послушнице. Та посмотрела на меня безукоризненным взглядом и с улыбкой дарящего отдала брелки.

«Это в церковную-то лавку не годать три рубля», — не унимался мой праведный внутренний голос, но ноги уже вынесли его метров на сто.

«Вы как хотите, а я возвращаюсь», — было сказано им моим же ногам. Правда, они ещё пару минут сопротивлялись, но хозяин — барин!

Вернулась, протянула изумлённой девушке тысячу, сказав про долг в три рубля. Возражать она не стала, поняла всё правильно.

И мой внутренний голос, восхищаясь собой, направил меня в храм. Он же подсказывал, куда подходить и где о чём просить...

— Не ставь сюда эту свечку. Купи хоть за десять рублей, а то батюшка ругается, — проворчала какая-то старушка, глядя на мои старания уравновесить трёхрублевую свечу в явно великоватый для неё подсвечник.

— Никогда не думала, что желание зажечь свечу в храме измеряется её ценой, — цинично буркнула я, но послушно отошла.

Что творилось в моей душе, лучше не описывать. А внутренний голос упорно молчал. По опыту знала, что это *почему-то...*

Три рубля, три рубля, я же их вернула! Ну что ты скажешь, дорогой мой голос?

«Хорошо, что вернула. На этот раз и бумеранг почти мимо пролетел, так, задел слегка, чтобы о нём не забывала...»

ЕСЛИ БОГУ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА...

А истина — ни в правде, ни в вине,

Ни в горести, ни в силе, ни в уме...

Она во мне, когда до гонца каюсь.

Он рос хулиганистым задиристым мальчишкой. Таких обычно взрослые не жалуют и своих детей от таких отваживают. Только старенькая бабушка, глядя его по голове, приговаривала, что когда-нибудь этот мальчик ещё откроет Богу глаза...

— Бабуля, а как это?

— Не знаю, милок, не знаю. Знаю только, что это будет. Тогда Боженька всю твою жизнь увидит и...

— Бабуля, и что, что дальше?

— Не знаю, милок, не знаю...

И он не знал. Но где-то там, далеко внутри, заложил эти слова. Может, именно они и останавливали его от чего-то, что Боженька не хотел бы видеть.

Спустя много лет случай привёл его в маленькую церковную лавчонку, где сидела такая же маленькая сторбленная старушка, очень напомнившая ему бабулю. От растерянности он попросил показать первую попавшуюся на глаза иконку. Старушка подала её как-то особенно бережно, сказав, что у Божьего Младенца на иконке глазик кто-то царапнул.

— Ничего, я исправлю, — очень убедительно заверил он. И тут же вспомнил: ещё откроет Богу глаза. Но не так-то легко, оказалось, открыть глаза Богу, ведь жизнь — она не белое полотно. Много лет он смотрел на своего Бога, вспоминая скороспешное обещание и слова бабули. Что-то менялось в его жизни, только он и сам не понимал что.

— Дедушка, а почему ты Боженьке глаз не исправишь?

- Потому что не знаю, что потом будет...
- Ничего не будет, просто Боженька двумя глазами улыбаться будет!
- Почему улыбаться?
- Ты сам говорил, что Боженька всех любит. А когда любят, улыбаются.

Устами младенца глаголет Истина...

И ПАЗЛ СЛОЖИЛСЯ...

«Человек некий беззаконный...»

Интересная игра — пазлы. Берёшь деталь, смотришь, примеряешь, тыкаешь в разные стороны, находишь нужное место, соединяешь — и что-то видится, прорисовывается. Похоже на нашу жизнь. Как будто кто-то нарисовал её картинку, потом разрезал на мелкие кусочки и любит теперь нашими исканиями. А мы ищем. Только каждый по-своему, как может.

Бывает иногда так, что собирается этих жизненных кусочков много-много, а картинка не складывается, может, потому, что большого не видим.

Вот примерно так жил один человек, назовём его — собиратель. А собирал он в этой жизни разные предметы старины. И всё было бы хорошо, только ради обладания ими совести своей он иногда глаза закрывал...

Как-то раз гулял наш собиратель по рынку. И приметил он у одного старичка икону. Старинная то была икона, настоящими мастерами писанная. Грешник на ней покаяния у Божией Матери просил. Вот только старичок тот несговорчивый попался, никак не хотел продавать он свою реликвию. Объяснял, что не для продажи она, а для научения здесь стоит.

Не услышал его наш собиратель. Стал разговоры вести со старичком да мелочь всякую выторговывать. Так незаметно и икону среди этих мелочей прибрал, благо старичок слеповатым оказался.

Обрадовался наш собиратель такому улову. В кои-то веки за бесценнок бесценную реликвию взял. Вот только радоваться долго не пришлось. Икона та на две части прямо у него в руках и развалилась. На одной — грешник, на другой — Богородица с Младенцем.

От такого потрясения собиратель всю ночь промучился. А под утро сон увидел. Будто спрашивал он у Богоматери, как ему теперь грешника к ней присоединить, чтобы единое целое получилось.

— Встань на колени и посмотри со стороны, — по-матерински успокоила она.

И пазл сложился...

КВАДРАТ МАЛЕВИЧА

(1913–2013)

Вигенье 1

Я стояла перед картиной и думала: если всё белое собрать и наложить на чёрное, оно закроется?

Станные мысли. Люди восторгаются, видят философию, высокое искусство. А я?

А я пытаюсь забелить чёрное или зачернить белое...

Впереди меня, перед картиной, стояли двое молодых людей. Он был в рваных джинсах, чёрной кожаной куртке, увешанной цепями. Она в лёгком полупрозрачном белом наряде. Тот же Квадрат Малевича, только в жизни. Но они то держались за руки, то обнимались, они как будто смешивались. И темнота светлела, а светлота темнела... Им было хорошо, и мне тоже.

Я снова посмотрела на Квадрат. Мне захотелось перемешать бело-чёрные краски, размыть эту строгую грань... И всё посерело.

Но почему-то стало *спокойно*...

Вигенье 2

Он смотрел на неё сверху вниз... «Какая там ширь, лёгкость, нежность», — думал он.

Она смотрела на него снизу вверх... «Какая там глубина, непостижимость, содержательность», — думала она.

Их взгляды встретились. Он был совершенно чёрный, она — совершенно белой.

«Дай мне немного твоей нежности», — попросил он.

«Дай мне немного твоей содержательности», — попросила она.

И что? Что получилось?

Нежная содержательность...

Вигенье 3

Огромная толпа в белых масках окружила со всех сторон толпу в чёрных.

Белые нападали своей непогрешимостью, чёрные держали оборону вседозволенностью.

Сто лет они враждовали друг с другом, доказывая свою правоту...

Но вот пришёл Творец. Он разрешил им сбросить свои маски.

— *Скучно им, наверное, стало?*

— *Нет, они стали счастливы!*

— *Счастливы? Почему?*

— *Они стали сами собой!*

— *Это как?*

— *Где-то чёрными, где-то белыми, по обстоятельствам...*

НЕ СПРАШИВАЙ: «ЗА ЧТО?»

СПРАШИВАЙ: «ЗАЧЕМ?»

Она стояла перед своим Богом и просила, чтобы сегодня у неё всё получилось. Она так долго шла к этому... Сначала была проба пера, и одноклассники стали называли её Цветаева-тью. Потом универ, где бездарные «talанты» чуть не отбили желание писать вообще. Работа в газетёнке, где она так и не смогла втиснуть свои мысли в чужие заказы. Безденежье, случайные подработки, одиночество...

И вдруг — он — единственный, после стольких попыток, директор издательства, который не просто предложил напечатать её стихи, он понял то, что она писала между строк. Понял и принял. И вот сегодня она едет к нему на встречу, встречу, от которой зависит её Жизнь!

Она ещё раз проверила содержимое сумки: рукопись, паспорт, кошелёк — всё на месте. Закрывает дверь и быстрым шагом пошла к метро. Ещё час — и у неё будет возможность Жить иначе...

Она только вступила на эскалатор, кто-то резко дернул сумку. Она ещё несколько секунд ехала вниз, потом рванула назад. Она видела, как тот, в чьих руках была эта самая Жизнь, садится в вагон. До которого ей оставалось всего несколько шагов. Но стоп: «Двери закрываются». Она посмотрела вокруг, всё продолжало Жить. Всё, кроме неё.

Она вышла на улицу, не слыша жуткого скрежета, крика. Она ничего не слышала и не помнила. Она не помнила, как, придя домой, подошла к своему Богу и спросила: «За что?»

Она не помнила, как прошло несколько дней. Её разбудил резкий звонок в дверь. Открыла, никого, свёрток. Открыла — рукопись, её рукопись.

И вот она уже снова у метро и опять до Жизни час. Но, опять стоп, табличка: «Метро закрыто на ремонт эскалатора». А рядом гора цветов и фотографии людей, у которых их Жизнь закончилась несколько дней назад...

Свою первую книгу она назвала: «Не спрашивай: «За что?» Спрашивай: «Зачем?»».

НЕ СТОЙ НА ПОРОГЕ — ХОЛОДНО...

«Ты либо войди в мою жизнь, либо выйди из неё.

Но не стой на пороге — холодно!»

Весна... Всё расцветает, распускается, раскрывается. Как и её молодая душа раскрывалась навстречу настоящей, конечно же, настоящей, взрослой любви. И пусть ей только шестнадцать, ему-то уже тридцать три. А он выбрал именно

её, значит, она ему подходит, значит, она тоже взрослая.

Взрослая, взрослая, а что ты знаешь о нём? Всё и ничего. Но, я думаю, он хороший, конечно же, очень хороший! Разве этого мало? Да ещё умный, смелый, сильный. Он мой первый мужчина.

А тот мальчик, ну тот, школьный друг, он что, не хороший? Он тоже хороший, но он мальчик...

Лето... Солнце, море, песок. *Ты ещё с ним?* Да, я уже с ним. Я с ним так близко, что не могу без него жить, спать, дышать, да ничего не могу!

А он? А он каждый день бежит в наш дом. Пусть всего на два часа, но я знаю, что завтра они, эти часы, снова будут. И я счаст-ли-ва!

Осень... *Что, уже осень? И всё по-прежнему?* Не знаю... Я сказала, что во мне его продолжение. Я хотела подарить ему его. А осенью часто бывает грязь и льют дожди. Его не было две недели, но он пришёл. Пришёл, но не вошёл...

Или войди, или уйди. Не стой на пороге — холодно!

Да, холодно, зима... *А знаешь, за что я люблю зиму?* Вся грязь покрывается белым снегом, чисто становится...

А что мальчик — тот, школьный? Пришёл и вошёл. Закрыл за собой дверь, чтобы холодно не было...

НИКОГДА НЕ ЗНАЕШЬ, ЧТО ЖДЁТ ТЕБЯ ЗА ПОВОРОТОМ

На улице было как-то необычно тихо. Или это я просто ничего не слышала. Обычные житейские неурядицы буреломом лежали в голове, и мысли бродили в нём, как в лабиринте. Где выход, было совершенно непонятно.

Я шла домой своей, сто раз хоженной дорогой, не ожидая ничего нового и интересного. День выдался на редкость жаркий. Но солнце не собиралось ласкать меня своим взглядом и залезать в душу, чтобы хоть немного её согреть. Мой взгляд скользил по проезжей дороге, до боли знакомым домам, садам и прочим достопримечательностям и атрибутам поселкового быта.

Пустынная улица добавляла одиночества и сводила мою жизнерадостность почти к нулю. На этот самый ноль умножались все красоты ухоженных дворики, нивелируя всю природу и людей, её поддерживающих. А дорога тем временем, то изгибаясь, то поворачивая, делала своё дело — вела меня к дому.

Вот и очередной поворот. А за ним? А за ним немолодая красивая женщина везла коляску, инвалидную коляску... И моё сознание вернулось.

Мы встретились глазами. Он — отец Александр — не сидел, восседал, как на троне, и просто, не по-царски, смотрел на меня. Мгновение — и выход из «бурелома» был найден. Я живу, а значит, могу изменить то, что хочу. Я могу ходить, думать, делать... могу!

И этим «могу» я обязана обычному взгляду необычного Человека.

О ХУДОЖНИКЕ...

Человеку трудно спуститься с небес... Там красиво и всё-всё правильно, по-человечески. А тебя на Землю. Зачем? *Для того чтобы сравнить и возразовать снова...*

Так было и на этот раз. Бог посылал меня снова, а я снова не хотел. Но он — Отец, а я? *А я Им никогда не буду...* Поэтому спорить бесполезно.

Правда, Он справедливый отец. А это значит — понимающий. И что, что Он придумал, какой компромисс?

Он сохранил мне память, память о красоте, отпуская на грешную. И я пришёл. Родился, учился, влюбился, женился... Всё как у всех. Всё, да не всё! Что-то внутри не давало покоя. Оно всё время искало, но не находило, не видало.

И я пытался заглушить это чем мог: карьера, вино, женщины, в общем, грехи по описанию. Даже пытался стать им, Отцом, только на земле. Тужился, изображал значимого человека, пока сын не попросил нарисовать барашка... Ну того самого, который *мог съесть розу*.

Я тогда не умел рисовать и начертил ящик, в котором сидел тот самый барашек. Но мой сын был *обыкновенным мудрым мальчиком*... Он настаивал на барашке. А потом на розе, а потом на маленьком принце. А потом попросил нарисовать себя, маму, папу, дом, лес, речку и всё, что для него было красиво.

И чем больше я рисовал, тем больше начинал видеть это самое «красиво». И память возвращалась.

Может, мы грешим потому, что *не умеем «рисовать»?*..

ОДИНОКИЙ

Однажды один человек пришёл к мудрецу и спросил:

— Скажи, мудрый человек, почему мне так часто бывает мучительно *одинок*?

Ничего не ответил мудрец, только велел человеку закрыть один глаз и через три дня прийти к нему снова.

Человек выполнил необычную волю и пришёл в назначенное время.

— Что интересного ты увидел за эти дни? — спросил мудрец.

— Да что можно увидеть одним глазом? Мука, да и только...

— Тогда открой его. И запомни: чтобы не быть одиноким, нужно смотреть в оба.

ПРИТЧА ОБ ОТКРЫТОЙ ДВЕРИ

Новый год...

Что мы все ждём от него? *Чуда*...

А в чём оно? В исполнении наших *желаний*. В возвращении в детство, сколько бы лет нам ни было. В вере, что в этом году обязательно всё *будет лучше*...

И что? Что мы делаем? Загадываем желание и ждём, ждём его исполнения.

И так в который раз? Да хоть в который. А вдруг!

И вот это «вдруг» настало... Дед Мороз услышал нас, таких разных, просящих кто о чём: о любви и друзьях, о здоровье и деньгах, о работе и карьере, и обо всём на этом свете. И решил Дед, что *пусть будет так, как просят*... Нагрузил свой волшебный мешок и пошёл воплощать наши желания в нашу же жизнь.

Подожёл к одному дому, постучал, подождал. Закрыто. К другому, к третьему... Никто не открыл. Устал ходить. Прислонился к какой-то двери отдохнуть, она и открылась. Оставил он свой ценный мешок там и *спокойный*, с чувством выполненного долга, ушёл домой в своё зимнее царство.

А почему? А потому, что *дверь была открыта*...

ПРИТЧА ПРО ХРАМ И НЕ ХРАМ...

Жил на свете один хороший человек. И мечтал он построить храм в своём селении. Чтобы было где грехи замолить да к Богу с просьбами обратиться.

Много трудился хороший человек, но денег на храм всё равно не хватало. Пришлось ему правдами и неправдами эти деньги добывать. Добыл...

И построил храм, а в основу положил камешек, из святых мест привезённый. Вроде оберега.

Но вот однажды пронеслась над той местностью буря. И разрушила храм до самого основания.

Взмолился хороший человек: «Скажи, Бог, почему ты разрушил храм?»

Долго молчал Бог, давая возможность понять хорошему человеку это самое почему. А потом просто ответил: «*Святой камешек должен лежать в святом месте*...»

УСТАВШИЙ АНГЕЛ

Ну наконец-то я увидела тебя, своего ангела! Ты был такой нежный... Словно тебя связали из паутины. Только крылья как будто мешали тебе, ты не мог их поднять. Ты не летел, ты сидел. И я чувствовала, как ты устал. Устал от меня или из-за меня.

Под картиной была надпись: Н. Родионова, «Уставший ангел». Я подумала: странно, что она знает, как выглядит мой ангел. Взгляд его невидимых глаз отвлёк меня от этих разбирательств. В голову полезли какие-то странные стихотворные строчки про ангела, но я быстро нашла в них штампованные фразы и закончила со стихосложением, надеясь узреть что-то стоящее в ещё не досмотренных картинах.

Я, как маятник, ходила взад и вперёд по выставочному залу, возвращаясь и удивляясь, удивляясь и снова возвращаясь. Пока не наткнулась на столик с книгой отзывов. Заглянула в сумку в поисках ручки и вспомнила про груши. Бедные груши, истекли уже все, ожидая моего внимания. Пришлось его уделить!

Так, обливаясь грушевым соком, я почти столкнулась с миловидной женщиной, которая любезно предложила мне салфетку. Я безоговорочно поменяла её на вторую грушу.

Потом мы уже вместе ходили по выставке. И я, как профессиональный незаурядный экскурсовод, знакомила её с тем, что меня здесь удивило. Моя спутница только кивала, иногда что-то корректируя, но всё время улыбалась, слегка странновато.

И только спустя некоторое время нашего разговора ни о чём я поняла, что говорю с художником моего ангела...

— Наташа, можно вас попросить? Поднимите моему ангелу крылья... Он устал быть таким уставшим. А я постараюсь подольше их у него не опускать.

— Но это и мой ангел...

Мы подошли с ней к нашему ангелу. В его глазах появилась надежда.

Оказывается, и человек для своего ангела может что-то сделать...

Отпустить бы тебя,
Мой ангел,
Чтоб не мучилась
Совесь моя.
В небо синее
Высоко,
К солнцу яркому
Далеко,
От проблем моих
Нескончаемых.
Отдохнул бы ты
И набрался сил,
А потом опять
Ты б меня носил.

УХОДЯ – УХОДИТЬ?

*Если к кому-то потянулась душа —
не сопротивляйтесь.
Она единственная точно знает,
что вам нужно...*

Две чашки или не чашки кофе или не кофе, одна сигарета, или две, или вообще нет. Что-то стоит на столе. Да это неважно. Двое... Просто сидят. Просто говорят, просто слушают, просто понимают, просто принимают друг друга. Принимают другого в себе или себя в другом.

О чём они говорят? О себе и не о себе, том, что волнует и не очень. О том, что было и что будет. Да и это не важно. Они знают друг о друге много, но хотят больше, а может, и не хотят. Им интересно то, что интересно им. Они соприкасаются одинаковыми гранями их я. Да и это не важно. *А что важно?* Они могут позволить себе быть собой... Снять маску важности, умности, любезности. Умыться ключевой водой и побыть натуральными. Может, и не очень правильными, красивыми, но очень вкусными,

что ли. Вкусными потому, что если попробуешь, послевкусие остаётся и надолго забьётся в память. А память штука серьёзная. Она часто помнит то, что мы так старательно хотим забыть...

Это всё была прелюдия. А кофе или не кофе уже выпито, пора уходить. И уходят... Он — она. Это не важно. И больше не приходят. *Совсем?* Да, совсем. *Почему?* Потому что у людей так принято: уходя — уходить...

Нет, это просто кто-то кого-то не позвал, не остановил.

А он — она, тот, который ушёл, вместе с пальто опять натянул свою маску. Ведь там, куда он ушёл, люди, и они не знают его натурального.

И вот на столе уже одна чашка кофе или не кофе. И ещё один человек-маска лицедействует. *Хорошо?* Привычно, уже привычно. Так живут почти все. *Но ведь между почти и все есть кто-то, они что, другие?* Да, в чём-то. *В чём?* Они умеют не уходить. *Это как?* Просто, уходя, они Возвращаются...

БУДЬ...

Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если я буду с другой,

Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если моё дитя не узнает

Во мне отца...

Буду...

Даже если предам я сам

Или преданным вдруг я буду,

Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если, забыв тебя,

За идеей гоняться буду,

Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если мой пьедестал
Будет выше твоих похвал,
Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если я всё пропью
И хмельным навсегда останусь,
Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Даже если я камнем вниз,
А внизу не морская гладь,
Ты, пожалуйста, будь со мной!

Буду...

Ты не думай, я хоть и слаб,
Но твоя *материнская вера*
Сбережёт и поднимет меня,
Где бы ни был я,
Кем бы ни был...

ИЛЛЮЗИЯ НЕОДИНОЧЕСТВА

— Ты жив?

— Жив.

— И я жива. Всё хорошо?

— Да.

— Я жду.

— Жди, возможно, буду.

— Тогда пока.

— Пока...

— Ты жив?

— Жив.

— И я жива. Всё хорошо?

— Нет!

— Я сейчас буду.

— Тогда пока.

— Пока...

- Ты жив?
- Жив.
- И я жива. Всё хорошо?
- Да.
- А у меня...
- Извини, занят.
- Тогда пока.
- Пока...

- Ты жив?
- Жив.
- А я?..

СЛОВЕСА...

Запутала — запуталось,
Всё запутано осталось...
Распутала — распуталось,
Паутина далеко.

Обещала — обещалось,
С обещаньями осталась...
Помолчала — помолчалось,
Безголосие влекло.

Заплетала — заплеталось,
С гребешком одним осталась...
Расплетала — расплеталось,
Словно брошено гнездо.

Умоляла — умолялось,
Словесами всё осталось...
Отпускала — отпускалось
Одиночество моё.

* * *

Что-то с жизнью моей происходит,
Что-то в ней закрутилось давно,
Кто-то входит в неё и выходит,
Топчет в пашне ростки и зерно.

Поливальщиков добрых не стало,
Корни сохнут, а с ними и я...
Может, всё возродится сначала
И закончится старость моя?

В бусы дни собираю и годы,
Только платья под них не найти.
Кто-то рядом, но мимо проходит,
Не заметив моей суеты...

Может, зрячие всё же найдутся,
Чашку кофе предложат испить?
Вот и платья тогда подберутся,
Только бусы придётся сменить...

ОСЕННИЙ ВИЗИТ

Осенью, когда начинается листопад и солнце чаще прячется за хмурые тучи, я чувствую ухудшение своего самочувствия, наверное — недостаток свежего воздуха, и поэтому спешу посетить наш старинный городской парк, где можно отдохнуть от шума городского, подышать целебным воздухом с лесным ароматом различных деревьев, цветов и кустарников.

Наш городской парк — это жемчужина подмосковной природы! Расположен он в центре города, рядом с центральной площадью и торговым центром «Воскресенск».

Ворота в парк всегда открыты, и пасмурная погода не помешала мне войти в них со стороны улицы Хрипунова. Я оказалась на главной липовой аллее, ведущей к каскаду старинных прудов, созданных ещё в XIX веке. Огромные деревья лип, осин, берёз и клёнов наклоняются над водной гладью прудов и медленно теряют в них свои разноцветные листья. Красота неописуемая! Это можно здесь увидеть тогда, когда начинается борьба между временами года: летом и осенью — во время увядания природы.

Подул лёгкий свежий ветерок, и снова закружил хоро-вод разноцветных листьев, падающих с деревьев на землю и на мою голову. Я стала собирать самые красивые из них, получился яркий осенний букет. Старые липовые деревья казались огромными великанами. Под ногами шуршали засохшие листья и мешали идти. Справа показались очертания детской площадки.

Стояла волшебная лесная тишина. Казалось, что здесь никого.

Но вдруг на липовую аллею выбежали двое маленьких детей детсадовского возраста. Они кричали, смеялись и играли, догоняя друг друга. А за ними — двое взрослых:

мужчина и женщина. Очевидно, их родители. Они звали детей по именам и бежали вслед за ними. Лесная тишина наполнялась теплом.

С левой стороны аллеи, за железной оградой, находится архитектурный ансамбль зданий и сооружений старинной усадьбы «Кривякино», которая является собой историко-литературный памятник прошлых веков. Тогда эта усадьба принадлежала отцу и брату известного писателя-романиста И.И. Лажечникова, который здесь часто гостил и жил. В настоящее время эта усадьба находится в стадии реставрации и охраняется государством. А за нею, в современном двухэтажном здании, размещается городской краеведческий музей.

Липовая аллея незаметно вывела меня на смотровую площадку с широкой панорамой заливного берега Москвы-реки, куда спускается лестница. От реки подул холодный, сырой ветер, и я двинулась в обратный путь через площадку аттракционов к центральному выходу парка. В будний день аттракционы и танцплощадка не работали, и поэтому здесь было тихо. Поднялся неожиданно шумный ветер и гомон пролетающей мимо стаи птиц! Кто-то спугнул их с пожелтевших кустов калины, покрытых шапками красных ягод. И этот «кто-то» оказался местным сторожем. Он махал своей палкой и зачем-то ворчал на давно исчезнувших птиц.

Птицы улетели, и сторож ушёл, а сказочная тишина осталась! И снова стало светло и тепло на душе. Куда-то исчезли мои болезни и грусть.

Спасибо тебе, парк — источник вдохновения и жизни!

Михаил БУЛЕКОВ

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

100 ЛЕТ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернёмся к вам
Своею азиатской рожей!*

А. Блок «Скифы»

Прости нас, Боже, грешников великих,
За пыль и суету. За тенью многих лет
Сокрытый образ наш в личине, вечно дикой,
За то, что книги жгли, как мудрых на костре.

Прости нас и за тех, кто льстить людей заставил,
Не научив, как ближнего любить.
Пророков не дал Ты, но праведных оставил, —
Мы можем их лишь только хоронить.

Упали зёрна, дали пышны всходы,
Лишь расцвели — засохли во цвету,
Как тот поэт, что жил мечтой свободы,
Иль тот, что зяб на питерском ветру.

Ты много нас по всей земле рассеял
В года глухие. Только оттого
Не хуже стал ни галл, ни брит, ни еллин.
Вот только зря мы Государя своего...

Сегодня новый век нам двери отворяет,
Спешим вперёд, по-русски плохо говоря.
И ход история никак не замедляет,
Но что мы Вечности оставим от себя?

Михаил Булеков

Вот наши дети смотрят в те же звёзды,
И шепчутся молитвы в тишине.
Мы все Твои, прости нас, Святый Боже!
Дай подышать нам правдой на земле.

* * *

Скрипит душа интеллигенции
Под натиском базарных буден,
Не все ушли ещё в коммерцию,
Не все живут в просторных студиях!

Всех пропустив вперёд, замешкавшись,
С улыбкой на устах, смущаясь,
Стоит, стоит интеллигенция
И ждёт последнего трамвая...

Трамвай в Москве последний, выживший,
Словно в эпоху интервенций, —
Он увезёт её на выжженный
Край, где живут лишь по инерции.

Взросшая на Канте с Гегелем,
Всё проверяя с точки зрения,
Идёшь ты в храм, интеллигенция,
И свечи ставишь без зазрения.

Ты мечешься с утра на кафедре,
По вечерам — твой курс в «коммерческом».
Тебя давно уже растратили,
Не в моде ты со знанием греческого!

Но где-то там, в каморке старенькой,
Ты пишешь искренне сентенции.
Мы всё прошли, прошли и главное.
Поклон тебе, интеллигенция!

ЛЕТОПИСЬ

Чудес разлито море в старых книгах,
И за поклоном им кладу поклон.
«Откуда есть пошла...» Покуда в силах,
Я буду помнить эту связь времён.

Князь Ярослав, Зосима и Савватий
Водили пальцами над титлами слогов.
Чтоб передать для будущих собратий
Всю правду о начале тех веков.

Позднее Пушкин, свет отчизны нашей,
Глагол перенесёт на сотню лет.
Был серебром век следующий скрашен,
Чтоб ярче проступал в нас новый свет.

К родному слову сердце привыкает,
Измена не восстанет никогда:
Покуда сад цветёт и шмель летает,
Покуда в море плещут холода.

Кто вывел эти буквы ровным строем,
Расставил запятые и тире?
Кто дал дорогу сказочным героям,
Воспел мгновенья счастья на заре?

Печатных строк и рукописных сводов
Сумей познать хотя бы часть одну!
Горели книги, и не будет споров:
Не всяк пророк в чести в родном дому.

Повсюду вижу чудеса Господни:
Псалтыри вязь и лихолетий срок.
Покуда жив закон любви в природе,
Мне не забыть полученный урок.

Сады цветут, и шмель в окно влетает,
И Слово русское находит к сердцу путь.
И Нестора наследник успевает
Перо гусиное в чернильницу макнуть.

СКАЗАНИЕ

Обложило небо тучами,
Из окна не видно света.
Но я верю в долю лучшую,
В час, когда пробьёт победа.

Скачет конь по полю зрелому,
На ходу срываю стебли.
На твою на скатерть белую
Ляжет свежий запах хлеба.

Знать, не долго жить осталось мне:
Чёрный ворон стаю кличет;
За горой полки поганые
Встали, русской крови ищут.

Но сегодня, время, волен я!
Разгону примет ненастье
И над светлыми просторами
Навсегда останусь властен!

Только выйдешь за околицу:
Рожь, да степь, да путь далёкий.
Грудь теснит от нашей вольницы,
День стоит в зените, звонкий.

Ангел накрывает ласково
Рожь и малую травинку...
Китеж-град сокрылся наскоро,
Заросла к нему тропинка.

УЧИТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРЫ

Осенний листопад волнует в непогоду,
Стесняет думы пёстрый хоровод.
Ведёт упорно к финишу природа,
Прощанье неизбежно настанёт.

Учитель! Вам я шлю стихотворенье,
В котором боль свою отобразил.
И, кажется, на малое мгновенье
Себя на Ваше место водрузил.

Пусть не всегда мы с Вами соглашались,
Я спорил с Вами раньше — не теперь.
Давайте вспомним, как мы повстречались,
Когда в Ваш класс открыл я робко дверь.

И светлый мир печатного наследства
Мне стал доступен. Вижу как сейчас:
С Гайдаром вместе мы встречаем детство,
С Есениным — зарю в рассветный час.

Мои друзья... Вот и сейчас на полке
Красив их ряд атласный корешков.
Жуковский, Пушкин, Достоевский, Горький,
Старик Щедрин — отменный острослов.

Здесь Лев Толстой учил меня смиренью,
Мечтать и мыслить — Александр Блок.
И Маяковским бредил с восхищеньем,
Жаль, Герцена освоить я не мог.

И ничего, и ничего на свете
Не жаль мне так, как школьные года.
Я обещаю Вам, что книги эти
Останутся со мною навсегда.

Ольга БУХАРКИНА

г. Воскресенск

* * *

Когда моя душа не уместит счастья,
Оно из всех прорех лучится и сквозит,
Я нахожусь в его неотвратимой власти
И не могу молчать, и сердце говорит.

Душа моя поёт и всех обнять готова,
И я её за то, молясь, благодарю.
И мой живой язык легко рождает слово,
И не могу молчать, «Я — есть!» — я говорю.

А если мир меня неосторожно ранил,
Я, разрываясь, плачу и яд в душе варю.
Но роль свою в большой судьбе не принимаю
И не могу молчать: «За что?» — я говорю.

А находя ответ на множество вопросов,
По-философски выводы творю
И понимаю, что с людей не будет спроса.
И каждому из них: «Прости», — я говорю.

И вот за то, что мысль я облакаю в слово,
И душу, и любовь другим могу излить,
Я, кланясь до земли, боготворить готова
Родной земли язык. И век благодарить!

* * *

Тёплые, нежные мамины руки
Сына качают и гладят легонько.
И колыбельной летящие звуки
Нежностью тёплой ласкают тихонько.

Мама поёт про родные просторы,
Милые сердцу, привычные взгляду:
Реки, овраги, леса, косогоры —
Всё это с детства и всё это рядом.

Гибкие станы берёзок и клёнов,
Крепкая стать тополей серебристых,
Яркие краски цветочных бутонов —
Это Россия. И ныне, и присно...

Где бы ты ни был, в душе сохранится
Дома тепло, колыбельная мамы.
Сердце услышать повсюду стремится
Родины голос. Он ласковый самый.

Пусть сын по жизни пронесёт любовно,
В сердце своём навсегда сохраняя,
Преданность Родине, доброе слово,
Мамину песню не раз вспоминая...

* * *

Выбираю... Снова выбираю...
Может, верный путь,
а может, нет — как знать?
Я теперь уверена, я знаю:
С возрастом труднее выбирать.

Несмышлёный возраст — не помеха
Для решений важных на пути.
Юность лёгкая бежит со смехом,
В неизвестность не страшась войти.

Мудрость грузом улеглась на плечи,
Делая движенья тяжелей.
Страх перед ошибкой грубой вечен,
Но с годами этот страх сильнее.

Стоя у развилки двух решений,
На себя уже надежды нет.
У меня одной — три сотни мнений
На один, всего один ответ.

Чем живу я дольше в этом свете,
Тем моя уверенность сильнее:
Я за каждый шаг в пути в ответе
Перед Богом и судьбой своей.

Стоя перед выбором, я снова
Открываю в жизнь новый лист.
И в дорогу новую готова
Сделать шаг. Пусть будет путь мой чист!

У ВЕСНЫ ПЯТЬ ЛИЦ, ПЯТЬ ИМЁН

Первое имя — обманщица. Обещает, сулит, щурит глаз
и за спиной держит скрещённые пальцы. Весну за враньё
любят, надеются и ждут...

Каждый день, открывая глаза, смотрят на мир в ожида-
нии обещанных перемен.

Смотрят, не находят и машут рукою, с надеждой говоря:
«Это ничего, завтра обязательно случится!» И когда
ни в первый, ни во второй, ни в десятый день перемены
не приходят, весна рискует быть разоблачённой и меняет
имя.

Второе имя весны — изменщица. Вот и перемены, дума-
ем мы, когда весна примеряет другое лицо. Радостно гото-
вясь к активному изменению картины мира, мы обретаем
новое настроение и снова ждём.

Да, мы готовы ждать и верить. Тем более — перемены
очевидны.

Но проходит время — и мы понимаем, что весна снова
играет с нами.

То, что мы приняли за новизну, было всего лишь на-
смешкой.

Первые проталины снова засыпает снегом. Вчераш-
ние ручьи покрываются утренней корочкой льда. Ноги,

с удовольствием вспоминающие уверенный шаг, скользят по такому знакомому и

ненавистному льду. И, чтобы мы не сильно обижались, весна снова меняет имя.

Третье имя весны — плачущая. Как только в гнев сказанное «изменщица» рассекает воздушные просторы, весна обижается и начинает плакать. Слёзы её текут по земле, образуя тонкие, неуверенные струйки талой воды, которые, собираясь вместе,

шумят уже по низинам широкими ручьями. Ноги, ещё вчера утопавшие в снежном пухе, звонко чавкают по грязной каше.

И мы с удивлением замечаем, что это и есть перемены, которых мы так долго жали. И больше не злимся. Потому что весна открывает вдруг забытые, спрятанные ненадолго многообразные краски мира: сначала появляется чёрный, затем — коричневый, за ними робко выглядывает зелёный и жёлтый. И весна снова меняет имя.

Четвёртое имя весны — пробуждающая. Вдруг, непонятно откуда, появляется желание идти. Неважно куда, лишь бы двигаться. И как будто ты и не спал вовсе зимой. Есть чувство, как будто глаза и душа очнулись от спячки. И появляется дурацкая привычка улыбаться просто так. И петь. И, может, даже забытая с далёкой юности вера в то, что мир прекрасен. И, конечно же, всё будет хорошо. Так весна будит в нас самое доброе. А разбудив,

снова меняет имя.

Пятое имя весны — уютная. Мы уже привыкли к тому, что уже долго не будет холода. И мир одет в пёстрые, разноцветные наряды.

И тепло солнца ласкает спину. И воздух звенит от птичьих голосов.

И деревья на самом деле гораздо пышнее, чем мы привыкли их видеть в последнее время. Мы принимаем этот уютный мир, тёплый и ласковый, как должное. Мы успокоились, и жизнь вошла в удобную и привычную колею. Вот тут и приходит весне пора со вздохом передавать эстафету лету.

Сергей ГЛЕБОВ

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Пустая жизнь, пустые идеалы,
И смысла нет, найдём его? — едва ли.
Пыл, страсть не вечны —
Это всё угаснет,
И лишь любовь останется прекрасней.
Но может ли она
Остаться смыслом жизни
И пробудить от сна,
Наполнить счастьем мысли?
Ведь страсть слепая —
Это унижение,
Любви жестокий враг,
Надежды сокрушение.

* * *

Фантазия отяжелела
И, шаркая, в домашних тапках,
О славе прежней не жалела,
А жизнь вела в разумных тактах,

Размеренно и терпеливо,
Ничто её не волновало,
Рефрен заученный твердила:
«Вот раньше, раньше-то бывало!»

Не зная, что промолвить дальше,
Своей изношенной походкой
Шуршала ночь. И песни фальши
Слух умиляли лестной ноткой.

Они от самого рожденья
Перечили искусству слова,
Но никакая тень сомненья
Фантазию не тронет снова...

СТАРИК И ГОЛУБИ

Смешная шляпа, детская улыбка,
Весёлые горящие глаза...
Старик крошил горбушку у калитки,
Дарил он радость маленьким друзьям.

А птицы ворковали, суетились,
Порой касаясь ног его крылом,
И улетать совсем не торопились.
Старик же был в раздумье о былом...

Потом он к людям с хлебом повернулся,
Смущённо им ладони протянул
И бессловесно тихо улыбнулся —
Как детство на мгновение вернул.

* * *

Бороться в одиночку
С Одиночеством
Не хочется...

* * *

Меня не беспокоят больше сны,
Я отдал их без тени сожаленья
Всем тем, кому служить они должны
От серых дней единственным спасеньем.

Глупцы твердят, что ночь всегда черна,
Что дрожь тревоги умножает тени,
Забыв о том, что ветер и луна
Нам дарят мир таинственных видений.

Коварству подлецов хватает дня,
И злу среди прохожих легче скрыться,
Чем в пустоте ночей, судьбу кляня,
Быть узнанной, ничтожной единицей.

* * *

Безбрежный океан, и горстка кораблей
Плывёт, мечтая берега достичь.
Пытаясь отыскать края родных милей,
Чтоб за морями истину постичь.

А истина, как водится, горька,
И не поможет даже бочка рому
Забывать о том, как сладостна тоска
О Родине и о дороге к дому.

Не только мудрецам дано понять,
Что звон монет не может быть сильнее
Того, кто вышел шхуны провожать
И в миг прощанья кинулся на шею.

Галина ГЛЕБОВА

*пос. Хорлово Воскресенского района
ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова*

* * *

Один поэт подвёл итог
Своих прошедших лет, без скидок:
«Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок».
Я призадумалась: «Мой Бог,
Он прав, задел ведь за живое —
Пройди хоть тысячу дорог,
Ошибок будет больше вдвое...»
Вот так всю жизнь куда-нибудь
Бежим, ошибки совершаем.
И здесь не в километрах суть,
А в том, что мы всегда теряем.
Печален мог бы быть итог,
Но разум человека гибок:
Пусть мало пройдено дорог —
Ценить бы опыты ошибок...

М.Ю. ЛЕРМОНТОВУ

Пусть он не Байрон, а другой,
Они близки по духу всё же.
И Гарольд — Байрона герой —
С его Печориным похожи.
Аристократы, бунтари,
Отвергнутые оба светом.
Их страсть сжигала изнутри,
Связав таинственным обетом.
Их гнал непостижимый Рок,
И только смерть домой вернула.
Поэт — изгой, Поэт — пророк.
Они под злым прищуром дула

Галина Глебова

Шагнули за черту времён
Без сожаленья и терзаний.
При жизни гений обречён,
Посмертно — слава и признание.

НА ДЕНЬ СМЕРТИ А.С. ПУШКИНА

Догорают угли в печке.
За окном ревёт пурга,
Мечется над Чёрной речкой,
Заметая берега.

— Барин при смерти, ах, Боже,
Всё сердечный просит пить...
— Есть надежда, доктор, что же?
— Чудо, если будет жить.

Врач склонился у постели,
А внизу гудит толпа:
— Пушкин ранен на дуэли,
Как же это, господа?

— Царь-то знал?
— А то, поди ж ты!
— Кто клеветает на царя?
— Господа, прошу вас, тише,
Право слово, это зря.

По толпе пошло:
— Убили!
Господи, прости, спаси!
— Да чего там... Затравили
Голос правды на Руси...

Ропот всё сильнее слышен:
— Точно, заговор!
— Беда...
— Тише, Пушкин умер, тише!
Как же это, господа?

МАТЕРИНСКАЯ ДОЛЯ

— Вот слушай, сынок, — начал рассказ отец. — Я тогда только женился, свадьбу сыграли, всё как у людей. В новый дом поселился с молодой хозяйкой. Дом справный, деды построили для нашей семьи. Всё бы хорошо, да что-то вот свербил, как бы это точнее сказать... Не то чтобы жадность, нет, а жену свою порадовать хотел. Вот, мол, какой я пряткий да удачливый. Думал, любить меня ещё пуще станет...

Вот бес-то и попутал. Думаю, пойду к матери за долей... Ведь какая-то часть мне полагается от наследства... Не думалось — а какого именно? Только о себе и любви своей тогда думал, она-то мне и глаза, и совесть застила.

А мать моя, бабушка твоя Василиса Дубровина-Рощина, работяга была, каких свет не видывал. Рано оставшись вдовой, растила четверых детей. Держала двух коров, большое хозяйство... А как же иначе, не проживёшь! Только трудом и кормились!

Время было тяжёлое, голодное. Нас, детей, подымать ей надо было.

В революцию раскулачили её. Одну корову отобрали, а другую оставили. Пожалели женщину худенькую, маленькую, одноглазую да с четверыми ребятами на руках: мал мала меньше. И за то кланялась супостатам сердечная да крестилась вослед...

Ну так вот. Прихожу к ней как-то вечером. Важный такой. Говорю: «Мам, я за долей пришёл».

...Села она на скамейку у печки, горемычная, уставшая, глаз единственный прищурен. Сидит и смотрит на меня долго, точно думает о чём.

— А-а-а! За долей? — вдруг точно очнулась она. — За долей пришёл! Что же это я не догадалась-то?.. Конечно, сынок! Пойдём-ка в амбар, — позвала она меня и первой

вышла в сени. Ну а я что? Обрадовался, что мать так быстро согласилась долю мне подарить. Иду за ней следом, наклоняюсь, чтобы о притолоку не ушибиться, еле поспеваю за ней, бедолажкой. А у неё ведь ещё трое остались на руках, кроме меня: старшая сестра моя и два младших братишки. Но не об этом мне думалось, не об этом...

Заходим в амбар. Я не успел оглядеться, а мать уже сняла со стены длинную слегу деревянную, какой ворота запирали, да начала меня ею охаживать то одним концом, то другим по плечам да по горбушке, приговаривая: «Вот тебе, сынок, одна доля, вот тебе другая доля, а вот и третья!» Конечно, я легко уворачивался, отступая к выходу, но всё же попало здорово. На всю жизнь запомнил...

Да только не боль свою, а стыд, да как по матушкиному лицу текли слёзы...

У КОЛОДЦА

В селе Новлянское, где мы жили, было много колодцев. Один из них находился рядом с нашим домом. Он был очень глубокий и гулкий, и эхо в нём было очень громкое. Нас, детей, страшали, что там живёт водяной и он охотится за маленькими мальчиками и девочками. Позже мы понимали, что родители говорили так, чтобы мы не играли рядом с колодцем, но мы всё равно тайком подбирались к колодцу и громко кричали в него, чтобы послушать эхо.

Колодец не имел ворота, и каждый приходил за водой со своим ведром и верёвкой. Поднимать надо было с помощью рук, а глубина колодца была более 20 метров, и вода — настолько холодная, что перехватывало дыхание, и настолько вкусная, что хозяйки чуть ли не со всего села приходили к нам за водой для питья и чая.

И каждый вечер возле колодца собирались женщины набрать воды и посудачить, обговорить все сельские новости...

...Однажды в воскресный день я проснулся пораньше и увидел, что мама принаряжается, собираясь в храм. А мой папа наблюдает за ней и тихонечко, думая, что

я сплю, говорит ей: «Насть, а Насть! Вот вы все такие верующие, в храм ходите, свечи ставите, молитесь... а как у колодца соберётесь — всем косточки перемоеете: кто куда пошёл, кто за чем пошёл, — а ведь в книгах-то написано — грех это большой, судить-то. А, Насть? Как же так?» Я видел папины глаза, чуть прищуренные, и взгляд, обращённый к маме. Он ждал ответа. А мама как бы в шутку, а как бы и всерьёз ответила: «Помалкивал бы, греховодник...» — и, отвернувшись, не глядя на него, продолжала собираться.

А не глядела на него потому, что понимала, как он прав...

НЕ ПОП, А БАТЮШКА...

Я хорошо помню, как был подростком и посещал начальную школу в селе Новлянское. Учился я в ней с 1954 по 1958 год, курс обучения рассчитан был на 4 года. Забегая вперёд, надо сказать, что отец мой Николай Панкратович учился в этой же школе до революции с 1914 по 1918 год, только называлась она Церковно-приходской школой при храме Иоанна Златоуста села Новлянское.

Так вот, однажды я чем-то провинился, и учительница на меня пожаловалась родителям. Обычно воспитанием всех троих детей в нашей семье занималась мама. Отец был очень добрым и никогда нас не наказывал. Пройдя через всю войну, познав все её ужасы и чудом выживший, он любил жизнь так, что ничто не казалось ему катастрофическим. А когда мама бранила нас или шлёпала веником, он прикрывался газетой, чтоб не выдать своей улыбки, изредка поглядывая на происходящее поверх газеты... Но на этот раз воспитательный урок я получил именно от отца. Он подозревал меня и сказал:

— Сынок, вы растёте сейчас непочётниками: не почитаете ни Бога, ни отца с матерью, ни учителей... А я ведь учился в этой же школе, где и ты. Только давно. И был такой же непоседа, как вот и ты. И как-то баловался в школе, и на меня, как вот на тебя, пожаловались.

А я, сынок, боялся, что попадёт мне от родителей, и решил пожаловаться тоже. Вот подхожу к отцу, к деду твоему Панкрату, и говорю ему: «Папа, а поп дерётся!..» Отец поднял на меня строгие глаза и протянул удивлённо: «Что-о-о? По-оп?» Он взял меня за руку, вывел в сени, снял с гвоздя вожжи и стеганул меня по мягкому месту пару-тройку раз, приговаривая при этом: «Не поп, а батюшка, не поп, а батюшка...» Чтобы, значит, я лучше запомнил. Не так больно было, как обидно, что не заступился он за меня, а ещё и настагал. Зато я на всю жизнь выучил этот урок, что уважать надо старших и не ябедничать никогда. Вот так-то, сынок. Понял теперь?

— Понял, — отвечал я. А сам в душе очень радовался, что мне не попадёт так, как папе моему от деда Панкрата...

БАБУШКИНЫ ЛЕДЕНЦЫ

Снова и снова яркие воспоминания детства будоражат мою память. Очень хорошо помню я праздник Троицы, когда моя бабушка Васёна после большой службы, радостная и умиротворённая, шла домой с веточкой освящённой берёзки.

Мы же, мальчишки, играли на улице в догонялки, прятки или в казаки-разбойники, ловко прячась в зарослях сирени и лопухов. Тогда я не понимал, как она могла точно определять моё местонахождение. Но она останавливалась напротив моего укрытия и громко звала меня: «Вовк! Вовка-а! Поди сюда!» А я не очень-то хотел идти, потому что знал, что будет дальше.

Бабушка Васёна, завидев меня, из широких складок своей длинной пышной юбки, откуда-то из глубокого кармана, доставала большой носовой платок, плевала на него и, приговаривая: «Ах, измазался-то как! А? Как поросёнок!» — заботливо оттирала грязь с моего чумазого лица. Я старался отворачиваться, но бабушка меня не отпускала. Вокруг из своих укрытий вылезали друзья и, обступив нас, терпеливо ждали, когда бабушка приступит ко второй части своего действия.

А я очень стеснялся и готов был провалиться сквозь землю. Но друзья не смеялись, боясь остаться без гостинца.

Закончив с моим лицом, она обводила ласковым взглядом ребятишек и приговаривала: «Ну, что стоите? Идите-ка ближе, идите!» — а сама, запустив руку в глубокий карман, искала там то, чего все мы очень ждали. И вот она наконец-то доставала небольшой кулёк, свёрнутый из газетной бумаги, а в нём — розовые леденцы! И, развернув его, всем раздавала душистую сладость, а сама, глядя на нас, довольно улыбалась. Они были необыкновенно вкусными, эти бабушкины леденцы, да мне и сейчас кажется, что ничего вкуснее в жизни я не пробовал.

Такой осталась в моей памяти бабушка Васёна: одетая в длинное платье, с веточкой берёзы в одной руке и бумажным пакетиком с леденцами — в другой. Несмотря на чёрное одеяние — вся светлая-светлая, и вокруг мы — счастливые-счастливые.

КРИК ПОДРАНКА

Весной в пойме реки Москвы, у села Марчуги, по пути на север делают передышку гуси. Однажды я решил подсчитать, сколько их здесь пролетает, но каждый раз сбивался со счёта, потому как гуси летели высоко, большими косяками, занимая почти всё небо, и этим косякам, казалось, не было ни конца ни края. Необыкновенно красивое зрелище являла картина неба: заходящее солнце, облака и нескончаемость перелёта.

Сначала слышишь тихий разговор стаи и только потом видишь её в открытом небе. Я знал, что гуси очень осторожны и на такой высоте, какая вот сейчас, они практически неуязвимы. Потому и был спокоен. Вечером, любуясь закатом и переговорами стай, я вздрогнул, услышав вместо знакомых звуков горький, щемящий душу и сердце плач. Я сразу понял, откуда он исходил. Плач был настолько печальным, что даже через много лет до сих пор я всё слышу его и слышу. Не отпускает. Видимо, охотник на подлёте выстрелил в стаю

и ранил одну из птиц. Теперь каждый раз, когда над поймой реки пролетают гуси и, радуясь жизни, неторопливо переговариваются между собой, я устремляю взгляд в небо и всё боюсь, что вот-вот нарушится их строгий строй и я снова услышу горький голос подранка.

ЧИБИС И ЧИБИСЁНОК

Майскими утрами, когда весна срочно переходит в лето, когда ещё сегодня ты видишь едва проклюнувшиеся почки, а завтра — уже настоящие юные листья, когда воздух настоящий на ароматах новизны, вся природа живёт и дышит, я делаю лёгкие пробежки. Совсем недалеко от дома. Вдоль опушки Скрипинского леса. В то памятное утро я, выполняя упражнения, увидел необычного чибиса. Он, не глядя по сторонам, быстро пересекал тропинку. За ним поспешал маленький серенький комочек. Конечно же, это был чибисёнок. Заметив меня, малыш, суется, мгновенно нырнул в траву, а взрослый с криками стремительно взлетел вверх. Остановившись, я стал наблюдать, как птенец прячется в придорожной траве. Взрослая птица с тревожными криками летала над самой головой, чуть ли не задевая кепку. Внезапно она упала к моим ногам и, крича, забилась, словно раненая. Она стучала крылом о землю, уходила дальше от меня на новый полукруг и, прихрамывая на правую лапку, не переставала кричать. В её крике было столько боли и страданий, что мне не только казалось, но и слышалось лишь одно: «Человек, зачем тебе мой птенец? Он такой маленький, желторотик ещё... Он даже и летать-то не умеет... Да и один он у меня остался!» Поражённый криком, я не стал искать спрятавшегося чибисёнка, а пошёл за взрослой птицей. Она всё так же кричала, уводила меня всё дальше и дальше от своего птенца, а как только я отошёл на безопасное расстояние, она разом вспорхнула в небо, сделала вираж над головой, крикнула что-то на своём птичьем, как бы поблагодарила, и улетела прочь к своему чибисёнку.

ДОБРОВОЛЕЦ ИЗ ВТОРОЙ УДАРНОЙ

Листая семейный альбом, я невольно переношусь в прошлое, в то далёкое время, когда мои родители были ещё молодыми.

Одна из ценностей альбома — статья «Наши планы» на пожелтевшей странице газеты «Коммунист» от 25 января 1942 года. В ней так написано о моём отце Николае Панкратовиче: «Бригадир наш, Николай Дубровин, взял в руки винтовку и пошёл громить немецких захватчиков. Меня назначили на его место. Когда провожали Николая, он напутствовал:

— Смотри, Люба, не урони чести нашей бригады!»

Статья была написана Любовью Корнеевой, новым бригадиром Новлянского колхоза.

В декабре 1941 года отец из села Новлянское пошёл добровольцем на фронт. Дома остались моя мать, Анастасия Филипповна, и двое маленьких детей — брат и сестра (я родился после войны). Воевал он на Волховском фронте во Второй Ударной армии.

После выхода из окружения отец был настолько измощён, оборван, что мама приняла его за нищего, и только бабушка Наталья узнала, а узнав, сказала матери: «Да ведь это твой Николай под окнами-то ходит!»

Отцу, как он рассказывал после войны, дали небольшой отпуск для поправки здоровья и потом отправили на прорыв блокады Ленинграда. Здесь он получил очередное серьёзное ранение в грудь. О войне отец говорил очень неохотно: «Это кровь и людское горе. Дай бог, чтобы её не было никогда».

Всю войну отец прошёл артиллеристом — с боями освобождал нашу страну, Польшу, Германию... Закончил ратные дни на острове Рюген, что находится в Балтийском море. Отмечен многими боевыми наградами: орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Одна справка, выданная командиром части, в которой воевал отец, вызывает яркое воспоминание о войне и детстве. Это документ о награждении его за добросовестную

службу в рядах Красной Армии трофейным немецким велосипедом в личное пользование. Про этот велосипед в нашем селе ходило множество баек, потому как все деревенские мальчишки и девчонки якобы катались на нём до тех пор, пока не довели до такого состояния, когда о технике говорят: «Восстановлению, увы, не подлежит». Самому мне покататься на трофейном велосипеде не пришлось, до меня о нём дошли только лишь рассказы, ведь я родился уже после войны.

То ли по воле судьбы, то ли случай такой выпал, но через многие годы я, его сын, в качестве командира ракетно-зенитной установки служил в той же Второй Ударной армии, которая после войны оставалась в Германии. И моей дочери, его внучке, Дубровиной Наталье, тоже довелось жить и работать в Германии в тех местах, где воевал её дед и где служил её отец.

Листая семейный альбом, вспоминая рассказы отца о войне, заново понимаешь, как прекрасна и неповторима жизнь.

Каждый год 9 мая, в праздник Великой Победы, я выхожу на весеннюю улицу, взволнованно слушаю звуки духового оркестра, покупаю красные гвоздики и отправляюсь в Константиново, где похоронен Николай Панкратович Дубровин — мой отец...

* * *

Говорите о счастье тихо,
Чтоб никто не услышал звуки,
Обошло стороною лихо,
Все тревоги, печаль, разлуки.

Говорите о счастье скромно,
Не хвалитесь частичкой даже,
В этом мире, таком огромном,
Есть и те, кто добра не скажет.

Говорите о счастье мало —
Для беседы найдутся темы,
Обсуждений всегда хватало:
Споры, критика и дилеммы.

Промолчите о нём случайно,
Пусть не знает никто иного...
Счастье любит покой, молчанье,
Тишину... И боится слова.

* * *

За нас помолятся наши матери,
Они лишь помнят всегда и ждут,
Накроют стол белоснежной скатертью
И песню тихую запоют.

Устелет путь вековыми кронами
От пыльных бурь и шальных ветров —
Когда откроет перед иконами
Родная мама молитвослов.

Благословит и молитвой тихою
В душе растопит сомнений груз,
Часы настенные мерно тикают
И прогоняют из сердца грусть...

.....
Не сразу нам осознать волнения,
Переживания матерей...
И в тишине, преклонив колени, мы
Попросим Господа за детей...

* * *

В крещении Бог посылает нам верных хранителей
Помочь уберечь наши души от тяжких грехов,
Не видим обличие этих духовных спасителей
И рядом не слышим воздушных и лёгких шагов.

Споткнёмся — поддержат, упасть не дадут на дороге,
Над пропастью вмиг пронесут и накроют крылом,
Помогут советом, а позже помолются Богу,
Когда на закате вернутся в заоблачный дом.

Раскрытые окна, и настезь распахнуты двери,
Нас ангелы вновь заберут в невесомый полёт,
Оставят лишь тех, кто грешит и ни капли не верит —
Им так не летать, если вера в душе не живёт...

Антон ДЫНИН

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Горел костёр в душе поэта,
Храня нездешнее тепло,
Во всей вселенной — каплей света,
Души хрустальное стекло...

Светилась ночь, перо писало,
Где строки вновь ложились в ряд
Густой палитрой карнавала,
Большого сердца камнепад...

И на пустом листе бумаги
Стихи, воскресши, как расцвет,
Держа хоругвии и стяги,
Шагнули смело в новый свет!

* * *

Подари мне свою нежность,
Одолев незримый круг,
Отнимая неизбежность
Расставаний и разлук.

За твоим покорным взором
Разметав черту небес,
Станет ласковым укором
Рождество твоих словес...

И сольётся воедино
Нить пылающих огней,
И неслышно, и незримо —
Первый вздох любви моей...

Антон Дынин

МОЯ ПАНАЦЕЯ

Моя панацея, моя ностальгия —
Спасательным кругом в мелькании дней, —
Где были мы вместе, немного другими,
Немного моложе, немного светлей...

Знакомые взгляды, забытые лица,
Где запахи слаще и речи родней,
Но нет тормозов, и годов колесница
Как с горки несётся, быстрее и быстрее...

О время, ты — тайна! И кто тебя создал,
Слепив красоту из небесных частиц,
Где выжгли полнеба горячие звёзды,
Не тронув густые изгибы ресниц?..

НАРИСУЙ ВСЮ ПОЭЗИЮ МИРА

Нарисуй всю поэзию мира
На стеклянном холодном окне,
Чудной кистью, как острой рапирой,
Уколи больно сердце мне.

Воскреси красоту движеньем,
Лёгким взмахом неровных строк,
Между вечностью и мгновеньем
Рукотворный оставь мазок...

И пускай за окном — метели
Упираются в нежность рук,
Скоро будут звенеть капли,
Разорвав узелки разлук.

ЗА ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДОЙ

За церковной оградой
Я стою и молчу,
Ничего мне не надо,
Ничего не хочу,

Ни о ком не мечтаю —
Все мечты позади,
Что сейчас — я не знаю,
И что ждёт впереди...

С каждым летом всё строже,
С каждым днём всё мудрей...
Незнакомым прохожим
Я бреду средь аллей.

Ты меня не узнаешь
В этой пёстрой толпе,
Я пройду, где не чаешь,
С белой розой в руке...

За церковной оградой
Буду долго стоять,
Ничего мне не надо,
Никого мне не ждать...

* * *

Осень ястребиная,
Прелая трава,
Алый куст рябиновый
Просит Покрова...

Пеленой незримою
Иней — в купола,
Русь моя любимая —
Как Христос бела!

Я пою и верую
В этот белый цвет,
Русь моя ранимая,
Новый Назарет...

* * *

Солнечных дней всё больше,
Март постучал в окно,
Дни всё теплей и дольше,
И на душе светло.

Утро туманом бредит,
Будто смолой кадит,
В дымке — заря из меди
В омут снегов глядит...

Чёрных проталин дыры
Марта хранят печать,
Точит ручьями миро
В сонную благодать.

Воздух и густ, и прянен,
С прелых остывших трав
Гордо вздымает знамя,
Смертию смерть поправ...

Мне так легко и дивно
Горестям всем назло,
Вижу твой взор невинный,
И на душе — светло!

Марина ЗОЛотова

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Вот и снова проказник-ветер
Обрывает листву с деревьев,
Он меня рано утром встретил
И со мной прошёл по деревне.

Деревенька моя — Полухтино —
Под Рязанью живёт тихонечко,
На домах резные наличники —
Дорогая сердцу стороночка.

Родовое гнездо родителей,
Дедов, бабушек наших старания,
Труд огромный, надежда с верою,
Расставания и свидания...

Вдоль домов неспешно шагаю я,
Треплет ветер-проказник платье,
Я дышу ностальгическим воздухом,
Я всецело в его объятьях.

* * *

Дай Бог мне сил не разлюбить,
Столкнувшись с трудностями жизни,
И пронести свою любовь
С рождения до самой тризны.

Любить детей своих светло,
Закрыв глаза на зло чужое,
Укрыть молитвой, как крылом,
Не разменяться на пустое.

Марина Золотова

Дай Бог мне сил не разлюбить
Жару и холод, дождь и ветер,
Всё, что дано преодолеть,
Не зря прожить на этом свете.

Дай Бог мне сил не разлюбить.

* * *

Иду привычною тропой,
Дел непочатых вереница.
И снова поворот крутой,
За ним навстречу — Божья птица.

А с ней спасенье, благодать,
Что даже никогда не снилось...
Готова день и ночь шагать
И верить в истинную милость.

Готова день и ночь шагать...

* * *

По тёмным улицам брожу,
И мглу руками обнимаю,
И никого не нахожу,
И ничего не понимаю.

И нет луны в глуши ночной
С едва заметной позолотой,
И только ангел надо мной
Со свойственной ему заботой.

По тёмным улицам брожу...
Чего ищу, куда шагаю?
У Бога счастья я прошу,
Ему — «СПАСИБО» — отсылаю...

* * *

Разобралась в своей душе,
Всё разложила по порядку.
Контрастный душ
и бланманже,
С утра приветствую зарядку.
Ни с кем не спорю и не злюсь,
Я жизнь как данность принимаю,
Не говорю: «Зачем? ЗА ЧТО?» —
И ничего не понимаю.

* * *

Ты и память моя, и забвение —
Параллелей пересечение,
Ты и радость, и удивление —
Золотое моё сечение!

Новых песен моих вдохновение,
Утра раннего откровение.
Неизменное окружение —
Золотое моё сечение!

Огорченье, умиротворение,
Боль, сомнения и лечение,
Тьма крошечная и свечение —
Параллелей пересечение.

Людмила КОРОБОВА

г. Воскресенск

(1942 – 2011)

КОЛЯН

Колян три года как ушёл на заслуженный отдых. Отдыхом, правда, его жизнь не назовёшь. Две коровы, телята, куры, гуси, утки. Заготовка сена на зиму, кормов. А там то забор завалился, то крыльцо ремонта дожидается. Навоз убирать надо, да и участок двадцать соток требует рабочих рук. Колян мужик крепкий, работающий, но без спиртного не может обойтись, хотя с алкоголиками он не водится. Тоська под стать мужу, даже более воинственна, и в доме она командир. Правда, мужу она иногда не прочь составить компанию после трудового дня, грамм по сто — сто пятьдесят, не больше! И когда вечером соседи слышат её мощный вокал: «Ой, цветёт калина...» — знают: Тоська приняла дозу. Но в чём она действительно превзошла всех, так это в матерщине. Единственно куда она не вставляет свой отборно-художественный мат, так это в песню «Ой, цветёт калина...». Непонятно, как это ей удаётся.

Прошлым летом, в середине августа, они грузили сено на машину. Колян стоял наверху, принимал его и равномерно распределял по всему кузову. Когда высота была достаточной, Колян как-то боком слетел на землю, да прямо на корягу. Застонал от боли и не смог подняться.

— Говорила же тебе, козёл вонючий, не пей! Не послушался, выжрал, да ещё целый стакан! Кто завтра грузить сено будет?! — отчитывала Тоська, ещё не зная, что её ждёт. И не только завтра.

Коляна кое-как втащили в кабину.

Вечером за молоком пришёл их постоянный покупатель — врач из Тулы, как потом выяснилось — гинеколог. Осмотрев Коляна, он сказал, что дело очень серьёзное и что его срочно надо везти в больницу. Колян запротестовал, но как-

то нерешительно, он панически боялся людей в белых халатах.

Позже пришёл к нему друг-собутыльник Зарипыч и с видом учёного знатока стал обследовать больного. Сначала он прощупал и нашёл больное место. Потом слегка надавил.

— Больно? — спросил знахарь.

— Терпимо! — ответил Колян.

— Так, всё ясно! Я тебя сейчас подниму на ноги, вывих!

Затем изготовился и сильно дёрнул за ногу. Колян заорал на всю деревню, чуть не потерял сознание и сразу возненавидел врача-туляка, особенно за то, что тот ни в коем случае не велел Тоське давать ему спиртное, хотя Тоська сама уже так подумала.

Всё было решено. На следующий день утром его отвезли в больницу. Колян никогда не лежал в больнице, да и в поликлинику не ходил. Простудится — выпьет на ночь самогонки с малинкой, пропотеет и утром как огурчик. Он даже родился не в больнице, а дома с бабушкой-повитухой, так уж получилось. А тут вот попал сразу на больничную койку.

В палате лежало четыре человека, каждый со своей болезнью. Дверь в коридор никогда не закрывалась, так как в палате было очень душно. По коридору в операционную время от времени провозили пациентов на каталке. Когда везли туда, больные беспокойно озирались по сторонам, и Колян нередко ловил на себе их испуганные взгляды. А вот оттуда их везли неподвижными (ещё под наркозом) телами.

Колян по телевизору посмотрел много ужасов про врачей-убийц. И вдруг его буквально пронзила догадка, что и здесь не всё чисто. Особенно когда у одного послеоперационника рука безжизненно свалилась вниз, а сестра как-то небрежно бросила её ему на грудь. «Точно, — решил он, — органы вырезают, а людей в морг!»

Он не спал ночь, вертелся, садился на кровать и даже в горячке взял у соседа костыль и сходил в туалет, не заметив, что сам дошёл туда и обратно.

Утром пришёл врач, мужчина очень больших габаритов. Колян глаз не сводил с его волосатых рук. Когда тот ушёл, Колян спросил у соседей:

— Чего он сказал?

— Завтра тебя обследовать будут, а сегодня возьмут все анализы, — улыбаясь, сказал молодой парень.

— Какие анализы? — спросил Колян.

— Кровь, мочу и, может, ещё что, — засмеялся сосед.

Колян больше ничего не сказал, он всё понял: «Хотят узнать, что у меня здоровое, чтобы вырезать. Никаких анализов! Надо бежать, тем более что я могу потихонечку передвигаться».

Он подошёл к двери, вышел в коридор. За столом сидела сестра. «Не пройти, караулит!» Он зашёл в туалет и решил выпрыгнуть из окна: «Пусть ещё что-нибудь сломаю, но зато жив останусь», — решил он.

Окно находилось на третьем этаже. Он хотел открыть его, но не тут-то было, оно намертво было приколочено к раме. Повозившись с окном, Колян вышел в коридор, твёрдо убеждённый в том, что окно специально заделали, чтобы не было лазеек. Можно, конечно, из комнаты, но его кровать у двери, а там мужики удержат.

И вдруг он увидел, что сестры в коридоре нет, он словно в горячке и трясучке прошёл коридор, спустился вниз, ежеминутно ожидая, что его схватят, но никто не обращал на него внимания.

Колян вышел на улицу, огляделся, подошёл к дороге. Рядом стояла иномарка. Он подошёл к машине, остановился. И тут же вышел из магазина водитель и сразу насторожился. Хозяин машины увидел, что рядом с его «Ауди» крутится странный мужик в тапках и спортивном, старомодном костюме, и понял, что тот ждёт его.

Колян со слезами в глазах стал умолять шофёра отвезти его домой в деревню, спасти от убийц. Неизвестно, что подействовало на водителя, но он согласился.

Когда Тоська копалась во дворе, к дому подъехала ино-марка. И оттуда вылез её благоверный с криком: «Неси скорее сто рублей, он спас меня от смерти!» Тут же Колян, задыхаясь, запинаясь, стал рассказывать, что с ним хотели сделать и как он чудом вырвался оттуда.

Тоська смачно плюнула, выругалась матерным монологом:

— Кому нужны твои органы, кобель проспиртованный!

— Дура! — сказал Колян. — Ты разве не знаешь, что органы в спирте хранят, а у меня они уже подготовленные.

Потом перевёл дух, преданно заглянул Тоське в глаза и тихо попросил:

— Тось, дай мне выпить за спасение!

— Нет уж. Больше ты ничего не получишь!

Всю ночь Колян стонал, что-то говорил, с кем-то спорил, вскрикивал. А утром, когда Тоська, подоив коров, вошла в дом, мужа не было. Потом он вошёл, улыбаясь, и сказал: «Ой, я уже дома! Какое счастье!»

Тоська испугалась больше, чем тогда, когда он упал с машины. Она заметила в нём что-то ненормальное и побежала к соседке, которую очень уважала за её доброту, рассудительность и порядочность.

— Тань, у меня Колька с ума сошёл! — сказала и заплакала. Пока она рассказывала, к ним подошёл Колян.

— Татьяна, — обратился он, — очень попрошу, зайди в бухгалтерию, там мне пенсию обещали добавить. Вот тебе моя пенсионная книжка. А завтра я принесу тебе книжки всей моей бригады. Ты прямо завтра сходи. Ладно?

— Ладно! — ответила Татьяна и открыла книжечку, а это оказалось удостоверение дружинника. Когда Колян повернулся, чтобы уйти, женщины обомлели: сзади в брюках была вырезана большая дыра, в том самом месте.

— Коль! — закричала Тоська. — Кто тебе брюки порезал?

— Я сам! Я в туалет захотел.

Тоська заплакала. Когда она пришла домой, сосед принёс ей ботинки, новые зимние, которые она купила сыну. Сосед

нашёл их у своего сарая. Тоська догадалась, что Колян надел их утром, подошёл к открытому сараю, разулся, прошёлся по нему, как по комнате, вышел, а про ботинки забыл.

Она достала бутылку самогонки, налила себе и мужу. Он выпил, не закусывая. Сразу уснул, а через четыре часа проснулся и попросил ещё. Тоська без слов вновь плескнула ему сивушного напитка в стакан: «Пусть лучше спит, чем чудить», — подумала она.

Колян выпил, закусил огурцом, взгляд его стал более осмысленным. Он спросил:

— Ты коров-то подоила, а то уже темнеет?

Потом немного помолчал и продолжил:

— Надо свет в сарай провести. Завтра этим я и займусь.

Марина КАБАНОВА

Член Союза писателей России
пос. Белоозёрский Воскресенского района
ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Елене Слободянюк

В перламутре раковины неба
Алая жемчужина горит —
Солнце драгоценное!
Вот мне бы
Прикоснуться к таинству зари,

Чтоб не плакать о былом напрасно
И того не испугаться дня,
Где, надеюсь, в небесах прекрасных
Кто-то встретит с радостью меня!

ДОЖДЬ

Смываются грехи людские
Неутихающим дождём.
Под небом плачущим России
Мы, как спасенья, солнца ждём,

Чтоб пузырьками на луже
Всё лопнуло пустое в нас.
Наверное, нам очень нужно
Себя увидеть без прикрас.

Мы прячемся: закрыты окна,
Из-под зонтов не видно глаз,
Как будто можно не промокнуть
Под небом, плачущим о нас.

Марина Кабанова

РОЗА

Да разве роза виновата,
Что, пряча колкие шипы,
Она притягивает взгляды
Людской толпы!

К ней каждый жадно тянет руки,
Сломать поспешно норовя,
От любопытства иль от скуки:
— Моя, моя!

Ну что шипы? Их просто срежут,
Случайный не простив укол.
Лишь аромат её, как прежде,
Немой укор.

И только жалобно заплачет
Тот соловей,
Что серенады пел ночами
Одной лишь ей...

* * *

В комнате пахнет сиренью,
А за окном — соловьи.
Ветер врывается в сени,
Солнцем раскрашены сны.

Дремлешь пока и не знаешь,
Чем удивит новый день,
Перечеркнёт стих вчерашний
Яркая синяя тень,

Высохнет след на подушке
Слёз, позабытых к утру,
Сон твой кукушка нарушит
Долгою песней — к добру!

Ты улыбнёшься спросонок,
Всё как впервые вокруг,
Словно опять ты — ребёнок.
Кто-то зовёт тебя?.. Внук!

Вера КОШЕЛЬКОВА

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

О Русь моя, могучая держава!
Когда я слышу зов колоколов,
Хочу сказать Всевышнему во славу
Как можно больше благодарных слов.

За то, что наслаждаюсь жизнью вольной;
За то, что детский смех звенит вокруг;
За купола — оплот Первопрестольной;
За то, что в поле мирно пашет плуг.

Моя непокорённая Россия,
Навеки остаюсь тебе верна,
И никакая вражеская сила
Нам не страшна!

* * *

Нет такого места в целом мире,
Как земля исконная моя,
Нет её лугов цветистых шире,
Нет прекрасней трелей соловья.

Золотым от солнца утром ранним
Ярок блеск церковных куполов...
Сердце негой полнится бескрайней,
Слух ласкает звон колоколов.

Это гордость за страну-твердыню,
За привольную святую Русь,
Где живу под небом мирно-синим
И во славу Господу молюсь.

Лидия КОЗИНА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ

Не унимается зима,
с утра опять метелица.
Устала ведь, едва жива,
а всё кружит и стелется.

Морозом жмёт на талый снег,
особо в ночь старается,
Но только солнце, как на грех,
всё выше поднимается.

И тут уж кланяйся, поди!
Зима — старуха вредная,
Не стоит слёзы разводить,
спешит пора ответная:

Звенят ручьи, поёт капель,
встречайте, люди добрые,
Весна свою открыла дверь
крылами бесподобными!

Алексей КУЛЕШОВ

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Порою этот мир мне кажется безумным,
Беспечным, горестным, бездумным...
Несётся жизнь потоком бурным,
Нагроможденьем дней сумбурным...

Зачем такой прогресса бег
В кипящий двадцать первый век?
Безжизненны бассейны рек,
Помойкой землю сделал человек!

Ничто, как прежде, взор не украшает,
А ветерок лишь дымом труб играет,
Как это всё гнетёт, гнобит, пугает...
Очнись, народ, природа погибает!

* * *

Век прожить без тебя — навсегда мой удел,
Я о том сожалею, чего не успел,
Я тебе своё сердце не отдал тогда,
Когда встретились мы в молодые года.

Ты, как роза, предстала во всей красоте,
Но я был неумел, не отдался мечте,
Я плясал, и кружил, и ходил колесом,
Но никак не посмел объясниться во всём.

В своей первой любви я признаться не смел,
Век прожить без тебя — навсегда мой удел.

Тамара КУРБАЦКАЯ

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Мне бы капельку таланта,
Божьей искры благодать —
Не остаться дилетанткой
И саму себя понять.

Говорят: писать, мол, поздно,
Оглянись, не молода!

А я верю — всё возможно,

Не преграда мне года!

Да, ответственности много...

Я — за молодостью вслед,

Не судите, люди, строго,

Мне неважно, сколько лет!

Много, но считать не стану,

Принакрою седину,

Потру на зорьке встану,

Богу тихо поклонюсь.

Попрошу я вдохновенья

И прощенья за грехи,

И ещё — благословенья

На хорошие стихи.

* * *

Творец послал мне вдохновенье:

Пишу послушною рукой,

О Боже, вот моё творенье,

Прими. Я вся перед Тобой!

И с этой радостью желанной

День начинается с утра:

Мой стих молитвой покаянной

Спешит на лист из-под пера.

Юрий ЛУКИНОВ

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ПОЭТУ

Плывёт луна на небосводе,
Рассыпав серебристый цвет,
И звёзды отражают воды,
Как отражает жизнь поэт.

А в час, когда легла прохлада,
Когда дрожит вечерний свет,
Стихи приходят как награда,
Ты в них вдохни тепло, поэт.

Парнас далёк, ещё не вечер,
Перед тобой судьбы завет,
Пусть осеняют тебя свечи
В часы прекрасные, поэт!

И, над словами ты страдая,
Познаешь многое, поэт...
Однажды Муза — Дева рая —
Тебе откроет свой секрет....

* * *

Первой учительнице З.Д. Кирилловой...

Вы сердцу с годами милей и милей,
Вас помним всегда — первых учителей,
Вы нас малышами вели в светлый класс,
Мелком слово «мама» писали для нас...

Вы те, кто нам двери открыл в новый мир,
Кто с нами о главном на «ты» говорил,

Юрий Лукинов

Мы с вами читали Букварь первый раз...
Давно это было. Но будто сейчас.

Учили нас палочки в клетках писать,
Учили дружить, прибавлять, вычитать,
Учили познать дорогие слова...
Какое же счастье, что память жива!

Я помню усталые ваши глаза,
Бывало, в них солнце сменяла гроза...
Ночами мне снится букет георгин,
Вдали — журавлей улетающих клин...

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Ещё не встала новая заря —
Бедой пробил набат монастыря,
И двинулся, как было испокон,
Тяжёлой меди колокольный звон.

Туда, где Русь окутала беда,
Где смута запалила города...
И в пламени метался небосвод,
И князь Пожарский поднимал народ,

Казанской Божьей матерью храним,
В одном строю шли ополченцы с ним
На справедливый и священный бой,
Чтоб землю русскую прикрыть собой.

Вот смутным временам конец пришёл,
И враг бежал — разбит, немых, смешон...
С тех пор, далёких доблестных времён,
Всю Русь пронизал колокольный звон.

О ПОЭЗИИ

Люблю поэзию за рифмы,
За неизбитый новый слог...
Течёт, не замечая рифы,
Поёт про свой родной исток.

Где её дальнее начало?
Кто первым был её творец?
С кем о признании мечтала,
Немало трогая сердец?

А время шло неумолимо...
Ушли далёкие года...
И ворвалась неудержимо
В людскую память навсегда.

Её прославили не пушки —
Ей пел глагол, высокий слог!
Сердца свои отдал ей Пушкин,
Есенин, Лермонтов и Блок...

СЛОВА

В том нет беды — напомнить снова,
За чередой тысяч лет,
Что лишь сначала было слово,
Потом родился белый свет.

Оно на всё было готово —
Преодолеть грозу и страх, —
Святое, трепетное слово,
Живущее в людских устах.

Сегодня слышится небрежность
Многострадальных вечных слов,

Они забыли пыл и нежность,
В них пропасть скверны и грехов.

А нам бы — чистой русской речи,
Достойных, трогательных фраз,
Чтобы слова, как будто свечи,
Сияньем радовали нас!

* * *

Вы вечны в памяти народной,
Апостолы Мефодий и Кирилл!
Ваш труд святой и благородный
К познанию нам двери отворил.

С тех пор старинные преданья,
Дела людей великих и простых,
Их чаянья, и судьбы, и страдания
Хранятся в книгах памяти живых.

Вас почитают в храмах православных,
Звучит глагол кириллицы родной,
И с верой в Бога каждый прихожанин
Сердечно вам отдаст поклон земной.

Андрей ЛЫСЕНКОВ

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Расслабляюсь, растворяюсь в быстром шёпоте волны.
Ветра свист, песчаный шорох — ни мгновенья тишины.
И навстречу звукам утра повернусь я на восток,
Упаду, подобно волнам, в лунно-сливочный песок...
Предрассветным алым взморьем подойдёшь ты не спеша.
По моей рубашке прядью белокурою шурша,
Молча рядышком присядешь. Будто пеною утёс,
Буду ласково охвачен волнами твоих волос.
Я взволнован, словно в первом погруженье водолаз,
Но проникнуты покоем океаны твоих глаз.
«Пусть покой бездонный будет навсегда благословен!» —
Прошепчу, припав щекою к теплоте твоих колен...

ЧЕРНОВИК

Как приятно бывает открыть
Черновик своих детских стихов,
Вновь дыхание их ощутить,
Вняв порывам мальчишеских строк.
Как флакон позабытых духов,
Что в старинном комоде найдёшь:
Аромат из него долгий срок
Ждал, когда полной грудью вдохнёшь.

ГОСПОДИН ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Вместилище успеха или бед,
Рождающее шторм или затишье,
Возвышенное, чёткое — смотри же,
Что ты творил без усталы, поэт! —

Андрей Лысенков

Стомилионное четверостишье —
Приличных строк привычный свой квартет.

Четверостишье — идол твой и бог!
Объемлешь в обозначенные строки
Восторги, добродетели, пороки,
Мечтаний впечатляющий чертог,
В заученном от корки и до корки
Размере вычеканивая слог.

Четверостишьем — связкою хлыстов —
Бичуешь, как палач бесстрастный, грозный.
В самокопании, с мольбою слёзной
Пытаешь многочисленностью строф
Всенепрерывной рифмы перекрёстной
На эшафотах авторских листов.

Четверостишье — вот копьё и щит
От хаоса, что видишь ты в верлибре.
В поэзии российской, в целом мире
Тиранит, поучает, верещит:
«А ну-ка рассчитайтесь по четыре!» —
И от катренов переплёт трещит.

Когда захватит книги разворот
Щербатый частокол четверостиший,
Я нехотя — надеюсь, мне простишь ты —
В неё ныряю, как в водоворот
С закрытыми глазами. Но, испивший
Сомнительных повторов и длиннот,

Выныриваю, ощущая сплин,
Сижу разочарованно-уставший,
Как жемчуга ловец, не отыскавший
Сокровища на дне морских глубин.
Помилуй, эти строки прочитавший
Четверостиший мрачный господин!

Галина ЛОТОС

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

РОССИЯ

О Россия! Как когда-то болью
В сердце отозвалась, и слезой
Покатилась по лицу невольной,
И звучишь тревожною грозой.

Где простор для мысли величавой?
Почему униженной стоишь?
Иль забыла ты про честь и славу?
Или ими ты не дорожишь?

Где народ, единый для стремленья
Возвышать Отчизну на века?
Где теперь былое вдохновенье?..
Пробуди, священная строка!

ЛОТОС

Цветок — это точка отсчёта,
Вокруг вращается мир,
Отсюда желанье полёта,
Отсюда звучание лир.

И я, лишь цветку подражая,
Вбираю всю нашу печаль,
Чтоб снова ожили, взлетая,
Мечты, устремлённые вдаль...

Юлия МУСАТОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ПРИРОДА БЛАГОСКЛОННА...

Природа благосклонна к терпеливым,
Кто не роняет слёз вослед дождю,
А босиком бежит навстречу ливню,
В прекрасное пространство дежавю.

Как знать, когда бы не вкусить печали, —
Что радость не всегда бывает впрок,
И правота — не в том, что все кричали,
А в многоточье, где Ахматова и Блок...

То понял князь Андрей под Аустерлицем,
На грани между смертью и огнём —
Не лучше удержать в руках синицу,
Чем любоваться в небе журавлём!

И прошлое дано не для отчаянья,
Оно — награда, чтоб собою стать,
И путь пройти, и встретить осознанье —
Жизнь — не борьба, а божья благодать!

Олег МАЗУР

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ГОЛУБЫЕ ОЗЁРА

В голубых озёрах твоих глаз
Утонул поэт, в тебя влюблённый!
Лишь качнулся на волнах баркас,
Навсегда в просторы унесённый.

Плещется вода и облака,
Солнце с высоты наш мир согрело,
Позолотой тронуло слегка
Как цветок доверчивое тело.

Далеко с тобой мы унеслись,
В суете о жизни позабыли...
Мы купались... А округой — высь!
Солоно! Но мы с тобой любили!

СВЕТ ОТ ОБЛАКА

Ты — свет от облака и неба голубого,
Ты мне нужней, чем воздух и вода!
И нет дорожке облика родного,
Моя неугасимая звезда.

Касаешься ты взглядом и рукою,
А губы манят, как цветочный мёд!
Глаза твои — магниты покоя,
Их взгляд ласкает, дразнит и зовёт,

Кружит, заводит, как вино хмельное.
Теряю, обомлев, ориентир...
Ручьём сливаюсь с бурною рекою,
Мотивом песни — в радиоэфир...

Олег Мазур

* * *

У каждого — своё предназначенье,
Но всякий хочет след оставить свой:
Жизнь для одних — простое развлеченье,
А для других — путь к Богу непростой.

Но счастлив тот, кто жизнь отдал искусству,
Тот, кто нашёл у Музы свой причал,
Кто воспевал любви земные чувства, —
Их нам Господь навеки завещал.

ОБИДА

Слеза скользила по щеке:
Наверно, кто-то Вас обидел.
Глаза — в плену густых ресниц,
В их глубине я боль увидел.

В их глубине пылал костёр!
А локон светлый из причёски,
Отбившись от своих сестёр,
Напоминал листок берёзки...

Его хотел я приручить...
Накинул Вам пиджак на плечи.
И, боль желая залечить,
Вёл утешительные речи.

Я что-то плёл — наверно, бред!
Вас успокоить очень силясь,
Утёр слезы солёный след,
И вот улыбка засветилась...

Денис МИНАЕВ
Действительный член
Академии Российской словесности
г. Коломна
ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

*Я люблю тебя не за то, кто ты,
а за то, кто я, когда я с тобой...*

Габриэль Гарсиа Маркес

Я люблю тебя, не за то, кто ты,
А за то, кто я,
 когда рядом с тобой.
И за то, что вокруг
 мы не жжём мосты,
А возводим
 новый,
 красивый,
 свой.
По мосту несусь
 всё, что есть.
 И я
Понесусь
 всё, что будет
 у нас ещё.
Не страшит обрыв.
 На руках у меня
Ты,
 любя,
 целуешь
 меня
 в плечо...

Денис Минаев

МОЁ ДРАГОЦЕННОЕ СЧАСТЬЕ

А. Минаевой...

Рай создать в шалаше у земли на краю
Лишь одна в мире девушка может —
Та, которую сердцем горячим люблю,
Та, что стала посланницей Божьей.
Та, чьё имя мне слышится в ветре шальном,
Та, о ком шепчут листья деревьев.
Та, которая сделала «домом» мой дом,
С кем любая проблема — не бремя.
Та, чьё плечико хрупкое в трудный момент
Будет рядом, чтоб смог не упасть я.

Мне не нужно несметных сокровищ взамен
Моего драгоценного счастья.

СЕМЬЯ

Обожаю уютный дом.
А тебя, ангел мой, тем паче.
Благодарен судьбе за то,
Что мой жизненный путь удачен.

Для удачи, уверен я,
Не презренный металл — мерило.
Драгоценнейшая семья.
В ней — и счастье моё, и сила.

Ольга НОВИКОВА

*Действительный член
Академии Российской словесности
г. Воскресенск*

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Из тысяч слов — на жизнь я обрекаю
Проросшее, созревшее — одно...
В тепло строки легонько опускаю,
Как в землю — драгоценное зерно.

Ладонями я слово прикрываю —
Желанный народившийся росток,
Чтоб слово не погибло, прорастая,
Чтоб слово распустилось, как цветок.

Без усталы прополкой занимаясь,
Сорняк срываю, межами хожу,
Боюсь дышать на слабенькую завязь
И Господа о милости прошу,

Чтоб солнце неустанно восходило
И, пашню плодородную храня,
Заветный всход, как маленькое диво,
Не уставая, радовал меня.

Чтоб я могла водою родниковой
Полить земли встревоженную пядь:
Пусть русское цветёт и крепнет слово,
Как Божья радость! Божья благодать!

Ольга Новицкова

* * *

— Спасибо.

— За что — «спасибо»?

— Ни за что.

Просто: «Спаси тебя, Бог»...

Есть слово «спасибо» — спаси тебя, Бог,
«Спаси — бо» — хорошее слово,
Кто страннику вынес хлеб-соль на порог,
Услышит, наверное, снова.

А тот, кто пришёл гол и нищ, без сапог,
Жены не имея и крова, —
Пусть трижды услышит: «Спаси тебя Бог»,
«Спаси — бо» — хорошее слово.

* * *

Поэту и другу Сергею Антипову

Есть различные мужчины:
Стан помятый, хмурый лик...
Ты — утёс несокрушимый,
Недоступен и велик.

Ты высокий и красивый,
Плечи — в сажень широки...
А глаза — что переливы
Волги-матушки реки!

Не спеша через торосы
Ты идёшь через года,
Позабыв, что и утёсы
Покоряют иногда...

* * *

Брату Михаилу

Нет милей и родней воскресенской земли,
Где рябины и липы всё детство цвели,
Где акаций кусты, желтизною горя,
Уводили из дома ни свет ни заря.

На дорогах и тропках родной стороны
Мы узнали преданья людской старины...
В отчий дом возвращались, седея уже,
Чтобы коснуться травы на отцовской меже.

Чтоб увидеть, ступив на родное крыльцо,
Как искрится от радости мамы лицо...
Но никто нам окно настежь не распахнёт...
Лишь акация вновь желтизною плеснёт.

Наша жизнь утекает сквозь дни и года,
Только память земли возвращает сюда.

* * *

Поэту, учителю и другу Леониду Дугину

1
Край Рязанщина. Константиново.
Купол церкви. И неба гладь.
Куст сирени. Изба старинная.
Божья радость — ни дать, ни взять.

Даль такая, что сердце ёкает,
Ширь без края — не обойдёшь,
Высь бездонная, высь далёкая,
Прикоснёшься — и в теле дрожь...

Что таишь в себе, Константиново?
Что таит твой большой покой?
И о чём в облаках рубиновых
Грай грачинный по-над Окой?

Где, учитель, года бесстрашные,
Рукопашный рязанский след?
...За рекой две рябины красные
Да ожоги курсантских лет.

2
Луговые цветы узорами,
Рассыпая медовый дым,
Растекаются над просторами
Восхищением молодым.

То молитва, то песня слышится,
Под гармошку весёлый свист...
Пляшут бабы в нарядах вышитых,
В кепке с маками — гармонист...

С образов глядит грусть бесценная...
И волнуется, и зовёт
Болевая строка Есенина,
Откровенья высокий взлёт.

Константиново. Цветь рязанская.
Школа. Липы. И неба гладь.
Белый тополь. Изба крестьянская.
Божья радость — ни дать, ни взять...

* * *

Чтоб с Тобой когда-нибудь да свидеться,
Я однажды в дымке облаков
Проплыву по небу белой рыбицей
До далёких синих берегов.

Погляжу с высот на землю милую,
На родной приветливый мой дом,
Я друзей и недругов помилую,
Преклоняя голову при том.

Рядом с чудом солнечного всполоха
Повторится жизни каждый миг,
И накроет Всепрощенье пологом,
И проявит Вечность кроткий лик.

По-земному в неземное веруя,
Вдруг пройду мытарства — рубежи...
И у рая на приступках двери я,
Может быть, сумею послужить...

Чтоб с Тобой когда-нибудь да свидеться,
Я однажды в дымке облаков
Проплыву по небу белой рыбицей
До далёких синих берегов.

* * *

Чёрное слово
Болью заточено.
Как выстрел злобы
В спину: «Уплочено!»

Заказчик чёрный.
С виду не чёрный —
В шерсть облечённый... —
Сам обречённый.

* * *

Памяти Анны Ахматовой

Коломна. Домик деревянный.
Уютный дворик. Палисад.
Здесь у друзей бывала Анна
Почти столетие назад.

Встречала старая Коломна
Молчаньем улиц, скверов, трав...
Был вечер искренностью полон,
Значителен и златоглав.

...В закатном тлеющем оранже
Пылал шиповниковый цвет
В томленье чувственном, как раньше,
Июлю жаркому вослед.

Он растекался в день вчерашний,
На Кремль и маковки церквей,
Где над Маринкиною башней
Искрился трепет голубей.

И уплывал ранимым светом
В недосыгаемую высь,
Где откровения поэта
С неугасимостью слились.

* * *

Все дни мои на суд Тебе вручаю:
Все беды и все радости мои
Я от себя никак не отлучаю,
Как свет Твоей спасительной любви.

Весь жар души, и зябкие морозы,
И сердца стук в весенний ледоход,

Мои к Тебе сомнения и вопросы
И мыслей неразгаданных полёт.

За неуменье жизненное каюсь,
За всех, кого сберечь я не смогла,
Кто бил меня, прилюдно отрекаясь,
Кому и я руки не подала.

Всю суетливость праздников и буден
Тебе я без остатка отдаю,
И милость мира надо мной пребудет,
Я верю в руку сильную Твою.

Прими, Господь, на суд на Твой Всевышний
Всё то, что Ты мне в жизни отпустил:
Плач панихиды и цветенье вишни...
Прости меня. Прости меня. Прости...

КРУШУНСКИЕ ВОДОПАДЫ

Лычезар Стаменов:

«Сегодня вы увидите рай...»

Льётся с неба вода, синевой истекая,
Льётся с неба вода, тишину рассекая,
Вниз по холоду трав, но полна откровенья,
Утекает вода — нашей жизни мгновенья...

Где замшелые камни, крутые коренья,
Миллион ручейков разбивается звенью...
Слышен голос отшельников, голос пророков
Из намоленных мест, от библейских истоков.

Слышно пенье псалмов в голосах водопада,
В них — мольба против зла, фарисейства и ада.
Только жизнь и любовь. Их законы приемля,
Льётся чистый поток на священную землю.

Сквозь ущелья и гроты в находках, потерях,
Воздыхающей плоти земли очень веря...
Все заветы храня, ниспадает лавиной
И несётся на встречу с Крушунской долиной...

* * *

Слова мои! Ревнители и судьи,
Вы — каждое — на месте на своём,
В дороге жизни и на перепутье,
Обращены в небесный окоём.

Служить готовы праведною ратью,
Коль ваши светоносные ряды
Благословили солнечные братья,
Кирилла и Мефодия труды.

Слова, слова... То много вас, то мало,
Но вашу чистоту не затемнить,
Когда вы рвётесь из души усталой,
Свиваясь в поэтическую нить.

Вы — слуги и сомнения, и восторга,
То исповедь неся, то приговор,
Хлам из души — без пафоса и торга,
Без жалости — в кострище, под топор!

И истина останется надолго,
Когда она, как жизнь, всегда права...
Когда она, как в стоге слов иголка, —
Вовек благословенные слова.

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Уставшая и полностью погружённая в свои невесёлые мысли, я не сразу заметила, что в будке на автобусной остановке кто-то сидел на скамейке.

— Здравствуйте, — обратился к нам молодой человек лет пятнадцати, едва мы попали в поле его зрения. Я очнулась от своих дум и огляделась.

Подросток был явно не славянской внешности, смуглый, темноволосый, одет просто. Да, сейчас много переселенцев встречается в ближайших деревнях и сёлах. Видимо, покупают недорогое жильё, ведут хозяйство, выживают...

И всё-таки от неожиданности я недоверчиво огляделась. А он, увидев моё удивление, понял его по-своему и повторил громко, глядя прямо на меня:

— Здравствуйте, — выговаривал он с нескрываемым акцентом.

Я ответила. Не скрою, что была крайне удивлена. Спрашиваю тихонько у сына, который в ответ ему тоже кивнул:

— Антон, это твой знакомый?

— Да что ты, мам? Откуда?

— А чего он поздоровался?

— Да тут все здороваются. Это же деревня! Ты не знала, что ли?

Ах, да, конечно же, я знала об этом. Знала, что в российских глубинках принято приветствовать встретившегося на пути человека. Но то ли я забыла об этом, то ли мы все забыли...

И действительно, я вспомнила случай, когда недавно здесь же мы ожидали автобус. Тогда подошла пожилая женщина, приблизившись, приветствовала нас:

— Здравствуйте! — Я была глубоко в себе и ответила ей, не придавая значения, подумала, что она просто обозналась.

Оказывается, не обозналась.

...А сегодня как-то чуть-чуть светлее стало на душе. И думы печальные немного отодвинулись в сторону: вот мы стоим на одной остановке вроде бы и чужие, а вроде бы и близкие, если желаем друг другу здороваться.

И в поведении мальчика промелькнуло что-то такое очень знакомое, нежное и уважительное, что захотелось улыбнуться. Видимо, доброе слово и сближает, и объединяет.

...Автобус явно задерживался. Было очень жарко, июльское солнце светило вовсю, протягивая жаркие лучи на земле всем, без исключения, точно приветствуя каждого.

Будку, залитую солнечным светом, со всех сторон густо окружали цветущие мальвы. Розовые, красные, они заглядывали в неё с обеих сторон, свешивали свои переплетённые соцветья с дырявой дощатой крыши, кое-где протискивались сквозь щели и всюду протягивали к людям свои шершавые листья и нежные полупрозрачные цветки... Я только что заметила всю красоту сегодняшнего дня. Оказывается, не так много надо было, чтобы потеплела душа. Надо было просто услышать искреннее «здравствуйте», это слово, приветствие, напутствие, пожелание, ведь оно означает и «будьте здоровы», и «будьте счастливы», и «будьте живы». А разве можно желать чего-то большего?

Светлана ПРОХОРОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

КРИК ДУШИ

Какою мерой мне измерить
Души великое страданье
И как в прощенье поверить,
Когда наступит миг свиданья?

Как мне любви ЕГО добиться,
Чтоб не остаться в мире лишней?
Какой молитвой мне молиться
Перед свиданьем со Всевышним?

Как быть, когда душа всё плачет,
А радость жизни где-то рядом,
Как добрый конь, ретиво скачет,
А из меня — лишь слёзы градом?

Как мне перед святой иконой
Не утаив ничуть, открыться,
Просить ЕГО о жизни новой,
Как исцеления добиться?

Как мне коленопреклонённо
Принять глоток ЕГО причастья,
Чтоб жить под Божескою кроной
И с трепетом в душе от счастья?

Светлана Прохорова

* * *

Соткано кружево вечным плетением,
Двигается мысль о судьбе с озарением.
Сыплются звёзды с небес без смятения,
Сердце волнуется с чувством сомнения.

Кажется, в мире всё движется, движется,
В чём только жизнь наша сирая зиждется...
Волей судьбы и божественной манною
Нас принакрыло земное приданое.

Всё на весах пред вратами небесными.
Ангел и дьявол владеют лишь смертными.
Верное слово доступно не каждому...
Все мы подвластны воистину важному.

* * *

Боюсь ли я смерти? Конечно, боюсь!
Ведь только дурак не боится.
И вечером каждым я Богу молюсь —
Он знает, в душе что творится.

Унынье, гордыня, упрямая речь,
Не скрою — мне это присуще,
Но надо молиться, чтоб душу сберечь
От дьявола в жизни грядущей.

Уж так повелось: чем ты дольше живёшь,
Тем больше грехи нарастают,
А церковь зовёт: «Ну, когда ты придёшь?»
«Не знаю...

Грехи не пускают...»

ПОД СКРИП РЕССОР И СТУК КОЛЁС...

Когда под скрип рессор и стук колёс волшебной кареты тени от ветвей многовекового дуба коснутся стен старинного особняка, свершится чудо...

— Нехило! А шо нарисуешь ещё? — нарушает строй мыслей прохожий, высказываясь по поводу рисунка-граффити на стене металлического забора.

— Быть может, нарисую летящих к Москве-реке лебедей.

Прежние мысли одолевают вновь, они замедляют шаг, заставляют остановиться.

Когда под скрип рессор и стук колёс волшебной кареты тени от ветвей многовекового дуба коснутся стен старинного особняка, свершится чудо: вдруг оживут и сойдут с полотна забора поющие под Вифлеемской звездой ангелы, пасущиеся у тихой заводи на окраине Изумрудного Города кони, коровы, жеребята — персонажи выставки творческих работ уличных художников. И над бескрайней округой взмоет ввысь, широко расправив крылья, ставший символом Воскресенска Феникс.

— Ведь не у себя дома!.. Не своё, да и ладно.

— Попробуй-ка, сделай таким замечание.

Донёсшиеся женские голоса опять обрывают полёт фантастических помыслов и возвращают на землю, под сень деревьев городского парка. Это прогуливающиеся с колясками две мамы. Поздоровавшись, идём вместе, тем более — нам по пути.

Оказывается, они справедливо возмущены поступками анонимных варваров и вандалов, «места преступлений» которых заметны тут же: кучи мусора, загаженные обувью деревянные сиденья лавочек, разрисованные и исписанные аэрозольной краской (а потому порочащие настоящее

граффити как искусство) столбы освещения, всё те же лавочки.

— Почему это происходит и до каких пор будет продолжаться?.. — размышляют подруги. Их доводы сводятся к одному, и с ними нельзя не согласиться: проблема зависит от позиции каждого воскресенца, и решать её надо всем миром, дружно и сообща.

Неожиданно пролетевшая впереди и упавшая рядом пустая бутылка вводит в недоумение. Траектория её полёта приковывает внимание к большому дереву, за которым — мужчина. Вежливо обращаемся с просьбой не сорить. В ответ — грубая брань, угрозы, размахивание руками, и ещё дальше, к трём прудам, летит очередная пивная бутылка.

Реакция прохожих на происходящее нулевая: как и обычно, все следуют мимо, будто ничего не замечая.

В конце концов, «спустив пары», бескультурный верзила уходит восвояси. Настаёт время и случайным попутчикам расходиться. Повернув в сторону, выходим к раскидистому со «золотой» цепью дубу. Это дерево — местная достопримечательность. Ему, как говорят, свидетелю наполеоновского нашествия 1812 года, более трёхсот лет. Считается, если к нему прислониться, обнять и загадать желание, то оно обязательно сбудется.

Верим, что придёт время исполнения наших желаний! Ведь так хочется, чтобы мы, люди, всегда оставались людьми и не были равнодушными, чтобы в городском парке поддерживалась чистота и действовало колесо обозрения; чтобы в кронах деревьев вновь выращенных аллей резвились ручные белочки и щебетали гнездящиеся в дуплянках птицы; чтобы на прудах, среди плескающихся карпов, цвели белоснежные лилии и плавали настоящие белые лебеди; чтобы над выложенными диким камнем дорожками играли старинные мелодии многокрасочной жизни и слышался стук колёс и скрип рессор приближающейся волшебной кареты.

Март, 2013 год

Зинаида ПОНАСЕНКОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ДУША ПОЭТА

Памяти Петра Тимошкина

У каждого поэта поющая душа.
Светла, как песня лета, и чудо хороша.
Поэт стихи слагает из Божьей красоты.
Стихи — как изумруды прозрачной воды.
Стихи — как полевые в букетике цветы.
Их с мира по словечку собрал с любовью ты.
Пускай им до садовых порою далеко.
Нет пышности, но слогу свободно и легко.
Стихи к нам в душу входят своею простотой,
Навечно остаются, не только на постой.
Для нас стихов дороже и не было, и нет.
Ты в памяти народной останешься, поэт.

МАСТЕРИЦА

То ли дом, то ли сторожка.
Свет полоскою струится,
С тихой песней у окошка
Ткёт дорожку мастерица.
Быстро спорится работа.
Всё учла, не суежилась...
Ох! Успеть бы — вот забота —
Над изделием склонилась.
Подобрался синий вечер,
В небе звёздочка искрилась...
Разогнула спину, плечи,
Молча Богу помолилась.
Пальцы скрючились от боли,
И в глазах блестит усталость,
Но работою довольна:
Мастерство не старит старость.

Зинаида Понасенкова

МАМИНО ТЕПЛО

В печи, сгорая, шепчутся дрова.
Ах, как приятно рядом посидеть!
Я буду здесь, наверное, права,
Не отрываясь хочется глядеть.

Тепло крадётся медленно ко мне.
Невольно вспомнишь мамино тепло.
Когда гуляет ветер по стене,
Когда дороги выюгой замело,

Она обнимет ласковой рукой
И голову к груди своей прижмёт,
И мир в душе наступит, и покой,
И счастье мягкой поступью придёт.

ИКОНА

Кем написана эта икона,
Что для нас сохранила в веках
Богородицу в чудной короне
И младенца Христа на руках?

А вокруг глубина голубая
В золотистых мазках-кружевах.
Словно маленький краешек рая
Отражается в наших глазах.

И молитва сама вдруг приходит,
И на сердце светлей и светлей,
И текут благодарные годы,
Словно в души — сладчайший елей.

Кто создал это чудо-икону?
Может, инок, а может, поэт.
По какому такому закону
Излучает она Божий свет?

Вера ПОЛЯКОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

МАМИНО ГОФРЕ

Если заглянуть в недавнее прошлое, то окажется, что для многих из нас минутами счастья были головокружительные мгновения танца...

Полувечер. Ещё не так темно, но чувствуется, что мрак вот-вот опустится и скроет от глаз привычные предметы. Мама сегодня неотразима. Она сделала причёску и надела губы помадой малинового цвета. В её глазах сияет тёплый огонёк. Папа тоже красивый, стройный, в тщательно отглаженном костюме.

Мне примерно четыре года. Мы идём прогуляться. Меня всё время притягивает к себе гофрированная ткань маминой юбки. Ей очень идёт костюм. Ужасно хочется потрогать материю — такую удивительную, воздушную и непонятно каким способом сделанную, без швов, с множеством маленьких строгих складочек. Я аккуратно дотрагиваюсь и сжимаю между маленькими пальчиками складочку так, чтобы никто не заметил.

И вот мы идём по дороге, ведущей к фетровой фабрике. Пейзаж довольно непривлекательный, и меня занимает в основном походка родителей, их маленькие шажки. Это меня даже как-то развлекает. Папа всё время сдерживает свой шаг, чтобы идти в ногу с мамой. Я начинаю пристраиваться то к маме, то к папе. И это становится забавным.

От чёрного лака дамских туфелек исходит блеск. Поперечная отделка из трёх металлических белых полосочек и сама форма «лодочки» напоминает воротник матроски, вообще что-то морское.

Бесцельная вечерняя прогулка выводит нас к летней веранде танцевальной площадки.

В памяти остались приподнятый над землёй дощатый обшарпанный пол, выглядевший довольно грустно, высокие деревья, еле видимые в сумерках.

Папа вдруг предлагает маме потанцевать... Звучит мелодия, которую напевают сами же родители. Мама с папой кружатся в вальсе. Они необыкновенно красивы. Мамино гофре наполняется тёплым ветерком, а ножки в лёгких туфельках, словно подхваченные музыкой и ветром, передвигаются в такт мелодии. И этот танец всё озаряет собой. Всё уже выглядит не мрачным, а красивым до высокой радости.

Дарья СОРОКИНА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Не злись на солнца жаркий луч,
Ожог пройдёт, боль притупится,
Поверь, лишь внешне он колюч,
Не дай бедняге оступиться.

Луны обманчив бледный лик,
Пусть серебром тебя ласкает,
Но мрак уже в него проник,
Желаньем каждым управляет.

Прости огню, что он горяч,
И тьме прости за непроглядность,
Захочешь плакать — смело плачь,
А счастье принимай как данность.

ЛИФТ, ЛОФТ, ЛЮФТ

Лифт в шахте, скованный в движениях,
В стремлении тщетном до небес
Лебёдку крутит с напряженьем,
Толкая вниз противовес.

Лофт, ставший пастбищем элиты,
В кирпичных стенах множит смех.
И им уже давно забыто,
Что в прошлом он ракетный цех.

Люфт между чувствами и словом,
Вращенье мыслей холостых
Из пепла вспыхнут, чтобы снова
Погаснуть на губах немых.

И хочется метнуться вправо.
Но, словно психотерапевт,
Прошепчет мерзко и гнусаво
Мой навигатор: «Please turn left».

МОНТАЖ

В этом мире, похожем на фильмы без звука,
Я в субтитрах кричу, но не слышу свой крик.
Об экран разбиваю я в кровь свои руки,
А глаза слепит мне заигравшийся блик.

Сиротливо мечусь неприкаянным духом
Среди белых теней и ловлю чёрный свет.
Я чужой в этом городе перьев и пуха,
Мои серые крылья не вписались в сюжет.

Грязной примесью сажи полыхнут за спиной
Неуместные перья в диахромном раю.
Чернокрылым они отдают белизной,
Белокрылым в лицо чёрной тушью плюют.

Вдруг решат сценаристы подправить картину,
Чтоб не портил мой вид идеальный пейзаж,
Добровольно загонят под гильотину.
И отрежут мне крылья, выполняя монтаж.

ЗАМОРЫШ

Он родился за семь лун до срока.
Он едва ли способен на вдох.
На здоровых глядит без упрёка,
Но твердят ему: лучше бы сдох.

Некрасив он и слаб. В хрупком теле
Слишком много нелепых углов.
А в огромных глазах его тлеет
Простодушная искренность слов.

Скруплезно измеряют лекалом,
Каждый слог сосчитают в строке,
И «заморыш» напишут с оскалом
На позорном его ярлыке.

UNDERGROUND

Мы расцепились в душной давке,
В аду столичного метро.
Я наводил с тревогой справки
У равнодушного бюро.

Нарисовал рукой дрожащей
Глаза любимой, контур губ.
Динамик плюнул дребезжащий:
— Вам нужно ехать в London tube.

Туманом встретил город снобов,
Смеясь над манией моей,
Направил в мрачную утробу —
В нью-йоркский мерзостный subway.

Невыносимо стало сердцу
Средь проституток и бомжей,
Я отправляюсь в chikatetsu,
В огромный блендер для людей.

Начну по новой этот раунд
В могиле из бетонных стен.
Не страшен тёмный underground —
Глубокий метрополитен.

Галина САМУСЕНКО

Член Союза писателей России

г. Коломна

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ ВАМ ЧАШКУ ЧАЯ

Позвольте предложить Вам чашку чая,
коль заглянули Вы на огонёк.
А я свои стихи Вам почитаю,
и Вы поймёте всё, что между строк,
ведь там совсем немного — дети, внуки
да, слава Богу, мать, работа, дом.
Была любовь, надежды и разлуки —
всё это в измерении ином,
туда мне не вернуться. Жаль, конечно,
что всё прошло, как с белых яблонь дым.
Ну что же, под луной ничто не вечно.
Теперь я только милости родным
молю у Бога, толику здоровья.
А, собственно, что мне ещё желать?
Склонялась бы, как в детстве, к изголовью
вечернею порой старушка-мать.
Чтоб дни её закатные спокойно
текли, и сны слетали к ней легки.
А что же я? Ну, я-то всем довольна —
пейзажи, куклы, да ещё стихи...

Позвольте предложить Вам чашку чая,
коль заглянули Вы на огонёк.
Мы, как подружки, с Вами поболтаем.
Коньяк? Чуть-чуть. За то, что между строк.

Галина Самусенко

Роману Славацкому
(после прочтения книги
сонетов «Город»)

Ах, как красиво звучит сонет,
ах, как красиво!
Не легковесно, конечно, нет,
и не спесиво.
Он соткан дивно из малых нот
музыки славной.
Героем главным в нём не народ,
в нём Город — главный.

Церквей таинственный полумрак,
святые камни,
далёких предков седой очаг
под пеплом давним,
оконных планок резная вязь —
очей отрада,
старинный кремль — как русский князь
на страже града.

Хранит веками Святой Покров
наш Город древний
от посягательств лихих врагов,
от всякой скверны.
И полон Город святых примет
Земле на диво.
Ах, как красиво звучит сонет,
ах, как красиво!

ЧУЖИЕ СТИХИ

Над стихами О.В. Шокоревой

Ровесникам XX века посвящается

Чужие стихи... Неразборчивый почерк.
Порой непонятны восторг и волнение,
порой удивляет изломанность строчек
и странности речи *того* поколения.

Того поколения, что с веком шагало
сквозь грохотыстроек, разруху и войны,
мечтало о звёздах, довольствуясь малым,
и скромной наградой бывало довольно.

Чужие стихи... О любви, о природе...
Война, перестройка — всего понемножку...
Простыми, наивными кажутся вроде,
но хочется в них заглянуть, как в окошко.

Взглянуть, окунуться в то время, где деды,
ещё молодые, живые — что важно, —
как пишут в газетах, «ковали Победу»
и бабушек наших встречали однажды.

В том времени давнем — Баку и Коломна,
Москва... и над Волгой закатов томленье...
военные будни, Победы огромность...
и главные мысли *того* поколения...

* * *

*Без отца — полсироты,
а без матери и вся сирота.*

В. И. Даль

Уходят дети по земным дорожкам.
Уходят. Покидают отчий дом.
На время ль? Навсегда? А мать в окошке,
прощаясь, осеняет их крестом.

Уходят дети. Часто без оглядки.
Ведомые неведомой судьбой.
А мать, листая школьные тетрадки,
забывшись, говорит сама с собой.

Уходят дети с головой в заботы.
Им как-то недосуг звонить, писать.
А мать хранит, перебирает фото —
всё понимает, всё прощает мать.

Встречаться некогда, и на письмо ответить.
И вдруг неожиданно из родных ворот
выносят мать. Тогда взрослеют дети.
И пополняют армию сирот.

Александр СКАБЁЛКИН

д. Цибино Воскресенского района
ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Одеты в сайдинг избы и дворы —
Картинки из компьютерной игры,
Как будто на экране создают
Какой-то «обезжизненный» уют.

Я времени былому не слуга
И всё же вспоминаю по слогам,
Как детства дорогое письмоцо,
Моей деревни прежнее лицо.

Где эти срубы? — оды топорам!
Террасы в белой паутине рам,
Наличник — тот, резной, — над косяком,
Да с трещинкой сквозной, а где с сучком!

Одеты в сайдинг избы и дворы,
И старый блеф потёмкинской поры
Напомнит о себе, увижу лишь
Цветные черепки фальшивых крыш.

Деревни нет — ни поля, ни жнивья,
Осталась имитация жилья —
Под дерево, под камень, под металл,
Под то, о чём я говорить не стал...

В потоке обезумевших машин
Ютится имитация души.
С остатком имитации добра,
И это, к сожалению, — не игра.

Александр Скабёлкин

ВИРШИ О ЛЮБВИ

Толкуют новые пророки
Свои прогнозы на крови,
А я, не выучив уроки,
Слагаю вирши о любви.

У края бездны твердь земная,
Опустошённая людьми,
А я, о том ещё не зная,
Слагаю вирши о любви.

Гуляет ветер прокажённый
В садах, где пели соловьи,
А я, весной замороженный,
Слагаю вирши о любви!

Спроси: зачем я их слагаю?
И я тебе не стану лгать,
Да потому что полагаю,
Что больше не о чем слагать.

Одна любовь рождает слово,
Не зная страха и стыда,
В ней всё старо, но всё в ней ново,
В ней все рабы и господа.

Придёт и в каждом повторится,
Но каждому воздаст своё.
Со сцены рэпер «рэперится» —
И тоже как бы про неё...

А я слагаю как умею
О том, что в сердце берегу,
И о другом слагать не смею,
А может, просто не могу.

В коленях дрожь, в глазах усталость,
Но старость в гости не зови,
Ведь есть ещё о чём слагалось,
А мне слагалось о любви.

Елена СЛОБОДЯНЮК

Член Союза писателей России
пос. Белоозёрский Воскресенского района
(1967–2009)

Я ВИЖУ КАЖДЫЙ ТВОЙ ШАГ

...Он взял меня за руку, и мы вместе вступили в эту реку страдания и очищения. Он мучился, как и я. Мы разделили эту боль, как и прежде. Он уже много лет приходит ко мне. Я не знаю его имени, но, наверное, это не Бог. И у него — твои глаза...

Однажды ты сказал мне, что живёшь на острове. Река и каналы окружили твой дом со всех сторон. Несколько раз ты проводил меня сквозь это водное кольцо, и мы вместе слушали, как бежит вприпрыжку, обгоняя нас, твоё детство, легко и счастливо смеётся рядом твоя юность, и тогда ты позволял прикоснуться к своему миру и дарил любимые просторы с запахами трав и речной свежестью, неожиданно сменявшиеся автомобильной суетой и вечерними дворами, я понимала, что никто на свете так не любит остров, как ты, и никто так не любит тебя, как твой Остров.

Тёмный город затаил дыхание
В ожидании твоих шагов.
Натянули линии трамвайные
Струны на распятия мостов.

Где Москва каналами расколота
И от ветра клонит фонари,
Небо гневно горизонты комкает
И дождями мятыми сорит.

А в краю, где не живут трамваи,
На далёком перепутье снов
Я стою и, затаив дыхание,
Слушаю чечётку поездов.

Елена Слободянюк

...Мой дом здесь, рядом с ним. Пусть он сомневается и многого не знает, но мы ошибаемся вместе. Я хожу одна, но во мне нет страха, как будто он ведёт меня за руку.

В который раз снимая трубку простуженного, глухого телефона-автомата, ты с трудом различаешь голос другого — материкового — мира, и в эти минуты мы оба знаем, что ты никогда не сможешь уйти из города, даже на время, потому что без тебя он опустеет.

Светящиеся нити электричек тянутся ко мне без конца, прошивая эту ночь без берегов, а я закрываю глаза и улыбаюсь, благословляя каждый твой шаг.

* * *

Я шла остывшим берегом заката,
Держа в ладонях влажную звезду,
И тихая вечерняя прохлада
Сквозь пальцы истекала на ходу.

И облако блаженно улыбалось,
Блуждая белоснежно надо мной,
И пёрышки прозрачные теряло,
Взъерошенное ветренной волной.

А мимо протекала Бесконечность
И отражала голубые сны...
Развенчивая ночи скоротечность,
Я шла пологим берегом луны

И бережно несла тебе навстречу
Глоток живой небесной тишины...

Ольга СТЕПАНОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

НАШ СТАРЫЙ ПАРК

Одноклассникам

Средь будничной мороки и бессонницы
Вдруг вспомнится наш парк...
Как наяву
Увижу старый дуб, согретый солнцем
(Луч пробивается сквозь майскую листву!),
Стол теннисный с натянутой сеткой,
Галдящих одноклассников вокруг,
Соперников, готовящих ракетки:
Двух мальчиков и двух моих подруг...
Сияя, пахнут свежей краской лавочки,
Доска Почёта (И на ней — портрет отца!)
И карусели... Мы играем в салочки.
(Весёлой круговерти нет конца:
Зелёный «солнце-клёш» аллея кружится
С желтоголовыми цветами там и тут...
Над головами круг описывают птицы...
Кружась, летает неба синего лоскут...)
...Сверкают спицами, звенят велосипеды.
(А лихости в мальчишках-одноклассниках!..)
Склоняюсь к рулю, на раме с кем-то еду.
И девочки все наши — на багажниках.

Ольга Степанова

НА РОДИНЕ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА. 1971 ГОД

То лето вспоминается погожим.
...Высокий берег с тропкою исхоженной,
С некошеной звенящею травой
И храмом над бегущею водой,
Над окским голубеющим простором.
...И шелестящим рожь за косогором
Горячим ветром... И избою у Оки.
Амбаром, где Поэт писал стихи,
Пропахшим свежим сеном и овчиной.
...И бабкою Яриной, той дивчиной,
Которой снег за пазуху когда-то
Есенин запихнул.
...Улыбчива (щербата),
Ровесница (в девицах Кузнецова)
Ведро с водою ставит на крыльцо.
Нашествию туристов удивляясь,
Качает, чуть вздыхая, головой.
Прощаясь,
Подолгу смотрит вслед из-под ладони
Нам, продирающимся к пристани
сквозь донник.

* * *

М.В.

В полинявшую палатку
На полосочке песка
Тонкий луч ползёт украдкой.
Раздувая ткань (бока),
Ветерок горячий рвётся,
Треплет чуб кудрявый твой.
Паутинка сверху вьётся.
...Счастье здесь сидеть с тобой!

Нина САЗОНОВА

Член Союза писателей России

г. Луховицы

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

СИЛА ПРИТЯЖЕНИЯ

В городской толчее часто вижу деревню,
И снедает тоска, опалив душу мне:
Там рассветы встают над землёй моей древней
И тревожат сердца соловьи в тишине.

В городской толчее не услышать журчанья
Озорных ручейков у замшелого пня,
Не увидеть, как дарит закат на прощанье
Яркий всполох багрянца ушедшего дня.

В городской толчее, то в метро, то в трамвае,
Слышу: рощи вздыхают, а в них птичий гам...
И скучаю опять по садам у окраин,
По тропинкам вдоль них и душистым лугам.

В городской толчее так промаюсь неделю,
А потом брошу всё и — к истокам своим
Тороплюсь, долгожданную встречу лелею,
Знаю, вновь повстречаюсь я с домом родным...

Вот приеду туда, где кукушка кукует,
Где витает, как в детстве, звенящий покой,
И, наполнена счастьем, душа возликует:
Как люблю я тебя, край ты мой дорогой!

Пётр ТИМОШКИН

Член Союза писателей России

г. Луховицы

(1941–2017)

ПАМЯТИ РУБЦОВА

Надрывом сплетни о поэте.
А он — плевал! Не напоказ
Торил, забыв про всё на свете,
Тернистый путь свой на Парнас.

Но как изменчива дорога!
Всё было в тайности благой:
И свет любви, и голос Бога,
Но прежде — лиры дорогой.

Она одна, неколебима,
Не предавала и звала —
И, зазывая, била, била
Во все свои колокола.

То дивной музыкой причалив,
То эхом горестным вдали,
Да так, что, гордые, печалась,
Рыдали в небе журавли.

Лишь он один те звуки ведал
И понимал лишь он один
Наперекор хулам и бедам,
Своим заветам господин.

Что до молвы ему варначьей?
Не до солёной чепухи,
Когда душа поёт и плачет,
Срываясь в вещи стихи.

РОДНАЯ

Маме

«Жизнь прожить — не поле перейти», — приговаривала моя мамочка, поглаживая по голове и жалея меня — маленькую девочку, плачущую от детских огорчений, утешая меня — девушку, страдающую от несложившейся первой любви, подбадривая меня — взрослую женщину, переживающую от потерь и разочарований. Не перестаю удивляться, как, откуда, из каких истоков моя мама, знавшая бесчисленное множество пословиц, поговорок, присловий и прибауток, черпала эту народную мудрость. Она умела одной мудрой народной фразой рассмешить, удивить, подбодрить, пристыдить. Ведь русский язык — это не только грамматика и правописание, но и умение выразить свою мысль ёмко, а это можно лишь обладая знаниями, накопленными многими и многими поколениями людей, живших до нас и живущих рядом с нами. Думаю, что маме моей это удалось, хотя, в сущности, она была совсем простая женщина, детство и юность которой пришлось на очень непростые годы.

Маленькая Лиза, которую все с детства называли Лилей, родилась в Санкт-Петербурге, в семье офицера армии царской России в 1910 году, когда город уже бурлил в преддверии глобальных перемен. Внезапно Санкт-Петербург превратился в Петроград, семье офицера с маленькими детьми стало опасно оставаться в городе. Пришлось спешно покинуть культурную столицу и перебраться в далёкую и в те времена почти глухую деревню в Орловской губернии, где из образовательных учреждений была только маленькая трёхклассная школа при действующей церкви. Там и училась Лиля и её братишки и сестрёнки. Так что, может быть, не только батюшка воскресной школы, интеллигентные родители, но и простые деревенские жители стали её учителя-

ми в жизни. Но любимое мамино присловье — «хлеб за брюхом не ходит», его надо заработать, поэтому жизнь в деревне хлопотлива и хлопоты эти не легки. Тяжёлый труд с утра до ночи, но, как говорила мама, «работа веселье любит», а «сытое брюхо к ученью глухо», когда наработаешься, почитать книгу одно удовольствие и отдых. Когда мама рассказывала мне о своей жизни и я охала, жалея, что не пришлось ей больше времени уделять учёбе, уточняла, что в жизни невозможно «рыбку съесть и в воду не лезть», чем-то приходится поступаться. Но, так или иначе, жизнь текла, и работали, и находили время для веселья, влюблялись, выходили замуж, рожали и растили детей. «Век живи — век трудись, а трудясь — век учись», — сама мама придумала это присловье или где-то услышала, не знаю, но я слышала от неё это так. Ещё вспоминается, как мама смешно говорила про нашего буйного соседа, который во хмелю гонял по двору свою жену, обвиняя её во всех мыслимых и немыслимых грехах: «У кривого Егорки глаз очень зоркий, одна беда — глядит не туда». А когда соседка гоняла своего протрезвевшего мужа, а тот прибежал через огород к нам прятаться, укоряла: «Не буди лихо, пока спит тихо».

Только став взрослой, я поняла, насколько интересным и мудрым человеком была мама, в детстве и юности этому как-то не придавалось значения. Родной человек, родной язык, родня, Родина — все эти слова не зря созвучны, однокоренны, с помощью родных людей мы учимся понимать и любить друг друга, учимся жить среди людей. Когда я представила маме своего будущего мужа, она вздохнула: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». И было в этой пословице всё: и вековая мудрость, и прозорливость, и жизненный опыт. Мамина приятельница жаловалась, переживая, что сын засиделся в женихах. Не волнуйся, — утешала мама, — «мужик до сорока лет жених». И ещё одна пословица запомнилась по этому же поводу, мама часто её повторяла: «Я за своего Кузьму кого хочешь возьму, а ты свою Иринку поводи ещё по рынку». Как в воду глядела, женился сын приятельницы, не остался в «девках». Когда мне припала охота уехать жить в другой город, не стала отговаривать, только

предупредила, что «тяжело Афонюшке на чужой сторонуще», а «где родился, там и пригодился».

За всю жизнь я не слышала, чтобы мама о ком-нибудь сказала плохо, считала, что дурно выражаться — это «язык поганить». «Бог не Никишка, у него своя книжка», — приговаривала она, никого не осуждая и не обсуждая. На моей памяти она ни с кем не поссорилась, не побранилась и даже обидчиков своих защищала. А на мои возмущения отвечала, что люди разные — «не все сосны в лесу корабельные», да и жалко время тратить на всякие разбирательства — «собака лает, караван идёт». Учила терпимому отношению к людям, уверяя, что жизнь длинна и, как может обернуться, никому не ведомо — «не бросай сор в колодец, пригодится водицы напиться». И сейчас, когда за плечами свои уже взрослые дети, хочется, чтобы и они не отрывались от родных людей, родного языка, от русских традиций, от народной мудрости, знали и помнили, что «всяк держи свои рубежи».

ОТЕЦ

Посвящается детям моим Татьяне и Дмитрию

— Мама, а в нашей семье кто-нибудь воевал? — услышала я от своего уже тринадцатилетнего сына и ужаснулась, что мы до сих пор не говорили с ним о моём отце, его дедушке, кадровом советском офицере, прошедшем всю войну с первого и до последнего дня.

В нашей квартире на самом видном месте висит большая фотография моих родителей, на которой папа в военной форме. Но, видно, к ней сын привык с первых дней, как к любому предмету обихода, и не задавал вопросов.

Как поздно, как бесконечно и безнадежно поздно мы спохватываемся, что теряем связь поколений, что не помним имён наших прадедушек и прабабушек, а что же будут помнить и знать наши дети, что они расскажут своим детям?

Я достала с полки книгу, посвящённую 75-летию ОАО «Минудобрения» и с гордостью показала сыну: в списках

работников комбината, награждённых орденом Красной Звезды, за номером 37 мой отец, его дед — Карпов Георгий Герасимович!

К сожалению, папы давно нет со мной, он ушёл из жизни, когда мне было столько лет, сколько сейчас моему сыну, но память осталась и остался он — в детях, внуках, правнуках... И будет жить, пока мы помним...

Родился Георгий Герасимович в далёком 1911 году в забытом Богом и людьми селе Орево Орловской губернии, куда и сейчас-то вряд ли рейсовый автобус ходит, да простят меня нынешние жители папиной родины, — буду рада ошибиться. Годовалым ребёнком Егор, как называли папу в семье, остался без матери. Родами младшей сестрёнки Любаши умерла их мама Анна Ивановна, моя бабушка. Дедушка Герасим Петрович остался вдовцом с двумя малышами на руках. В деревне горевать долго не принято, некогда, хозяйство надо вести да дом держать. И Герасим Петрович женился вторично, на Наталье Ивановне. В семье один за другим пошли детишки: Павел, Николай, Таисия, Надежда, Иван. Так Егорка, став старшим, сразу стал большим, минуя беззаботное детство, да и не было беззаботного детства в те времена в деревнях. Вставали чуть свет, обихаживали скотину, кололи дрова, топили печь, носили воду из колодца, что на другом конце села. И даже у детей были свои обязанности по хозяйству. Четырёхлетнему Егорке поручали набрать щепочек на растопку печи, а ещё через год доверяли пасти гусей, чтобы не забредали на соседские огороды. А так хотелось бегать, прыгать, летом — купаться, зимой — кататься на санках, играть с соседскими ребятами в «клёпы». Но росла семья, а вместе с ней росли и обязанности по хозяйству. Неласковая Наталья Ивановна, замученная тяжёлой работой и бесконечными заботами о большой семье, могла и отругать, и нажаловаться отцу, а тот и дрыном (толстой хворостиной из ограда) пройтись по спине в наказание за непослушание. Худым заморышем рос Егорка, вечно голодным, тонкая шейка торчала из широкого воротника за отцом донашиваемой рубахи. Только руки, крупные, мослатые, раздавленные тяжёлой работой, торчали из широких рукавов. Ничего не запомнилось

папе из детства, только труд, бесконечный, изнурительный, от зари до зари, от зимы до зимы. В детстве, сидя с папой на диване, я просила: «Расскажи, как ты был маленький», — и всякий раз горько плакала, когда папа говорил, что самой вкусной едой в те годы ему казался кусочек пасхального кулича (из пшеничной муки), который раз в год на великий праздник пекла Наталья Ивановна. В обычные дни и ржаной хлеб к столу был не всегда, ели запаренные в печи брюкву и репу, картошку «в мундире» вместе с самим «мундиром», жидкие щи — «хлёбово», как называли их в селе. Я ревела, жалея маленького папу, он меня утешал, а мама ворчала, что он своими рассказами травмирует ребёнка.

Когда в 20-е годы в селе открыли начальную школу, младшие братишки и сестрёнки пошли учиться, а Егору уже поздно учиться, решили родители, большой вырос, отцу помогать надо. А едва исполнилось ему 18 лет, сговорили его женить. Сосватали девушку из соседнего села Верхней Любовши. Семья невесты завидная, по деревенским понятиям, интеллигентная, в гражданскую войну приехала из Петрограда, отец невесты — офицер царской армии, мать — окончила женские курсы. Красивая, высокая Елизавета Егору понравилась, что неудивительно. А вот чем приворожил её Егор, до сих пор не могу понять. Маленький, чуть не на полголовы ниже ростом, доходяга, вот разве что голосом певуч. На удивление, только Егора, единственного из семьи, природа наградила мелодичным, сильным голосом. Да только когда им было песни распевать, до свадьбы виделись один раз. На Святки сосватали, на Красную Горку обвенчали, вот и весь роман.

Не успели молодые и почувствовать себя семьёй, Егора призвали в армию. Папа всегда говорил, что именно с этого момента у него началась жизнь. Он даже день рождения себе записал 23 февраля — в День Красной Армии и Флота, так тогда назывался этот праздник. Поскольку, понятное дело, в деревне никакие дни рождения не отмечались и никто, ни родители, ни сам Егор даже, не знал, когда он родился, какого месяца, какого числа — одному Богу известно. Когда в армии стали оформлять солдатскую книжку, Егор с изумле-

нием узнал, что существует такое понятие «день рождения». Но он его себе выбрал и всю жизнь считал себя родившимся вместе с советской армией. В армии он многое увидел впервые, многому научился, окреп, возмужал и решил навсегда связать свою жизнь с армией. После окончания службы Егор остался служить сверхсрочную, окончил офицерские курсы и был направлен для прохождения службы на военный аэродром близ города Кандалакша Мурманской области. Он съездил на родину, забрал жену с маленькой дочкой Раечкой и прибыл к месту назначения. Так в селе Орево остался Егор, а в Заполярье прибыл молодой офицер Георгий. Я никогда не слышала, чтобы окружающие нашу семью знакомые и родня называли папу Егором, только Жора, дядя Жора, Георгий. Мне очень нравилось, как мама называла его Жоржик. Мне в этом имени представлялось что-то иностранное, хотя, думаю, скажи я об этом тогда папе, он, пожалуй, рассердился бы. Это был истинно русский человек, с трепетом относившийся к Родине. Не думаю, что служба в лётных войсках, на Крайнем Севере, была лёгкой, но она давала офицеру почувствовать себя человеком состоявшимся, умеющим обеспечить свою семью. Офицеры Красной Армии и их семьи были в те времена в чести, хотя в трудные для страны времена они и первыми попадали под удар.

Советско-финская война 1939 — 1940 годов в истории Советского Союза эпизод неоднозначный, но за этим конфликтом на границе — жизни сотен солдат, офицеров, членов их семей и просто мирных граждан. Война началась и закончилась внезапно, семьи военнослужащих даже не успели подготовиться к эвакуации, и они вместе со своими отцами и мужьями пережили ужасы артиллерийских обстрелов. Но тогда представить себе не могли, что ещё предстоит пережить. Семьи офицеров жили в военном городке, который располагался рядом с аэродромом у самой границы с Финляндией. Отец мог круглые сутки быть при самолётах или вылететь на задание, а мама, теперь уже с двумя детишками, варила, кормила, обстирывала, шила одежду и ждала, ждала, ждала...

Что 22 июня 1941 года началась война, в военном городке под Канадалакшей поняли раньше, чем об этом было

официально объявлено по радио. Мама рассказывала, что отца, как обычно, не было дома, убежал по тревоге. Стояли красивые белые ночи, такие светлые, что она умудрялась шить, не зажигая ламп, чтобы не разбудить детей. В первую минуту ей показалось, что началась гроза, затряслись стены, зазвенели стёкла в окнах, затем раздался страшный грохот взрывов, запылали пожары. Это была не война, это был ад. Бомбёжки не прекращались несколько дней подряд, самолёты взрывались на аэродроме, улетали и не возвращались, лётчики к семьям не приходили, где были мужья, никому было не известно. Жёны с детишками во время бомбёжек выбегали из офицерских общежитий и ложились прямо на землю, поскольку спрятаться от обстрелов и бомб было нигде. Мама говорила, что, лёжа на земле во время бомбёжки, она никогда не накрывала собой детей, держала их за руки, прижимала к себе и молилась. Когда я услышала об этом, будучи молодой девушкой, возмутилась: «Мама, как же ты так не закрывала собой детей, ты же мать!» — а мама печально улыбалась: «Глупышка, когда меня убьют, что будет с моими детьми, думаешь, их пожалеют, если фашисты захватят аэродром. Они дети советского офицера, кто позаботится и спасёт их!» А сейчас, став матерью сама, я думаю, что маме пришлось едва ли не тяжелее, чем папе в боевых полётах. Каждый день, мысленно прощаясь с жизнью в этом огненном аду, умирать от страха за себя, за детей, но, вставая с земли после бомбёжки, ещё и думать, чем и как накормить детей и где взять силы, чтобы смотреть в голодные, испуганные глазёнки своих малышей. И каждый день с ужасом выглядывать в окно, когда, после боевых вылетов, командир полка направлялся в офицерское общежитие сообщить семье о не вернувшемся экипаже. В чью комнату постучится сегодня горе, придёт страшное известие? И, вздохнув с облегчением сегодня, завтра снова обмирать от ужаса. Я думаю, что половина папиных боевых наград: медалей «За оборону Заполярья», «За боевые заслуги» и двух орденов Красной Звезды — по праву принадлежит маме.

После окончания войны много пришлось поколесить семье военнослужащего офицера по гарнизонам нашей

страны. Ещё молодому, но уже опытному офицеру, обстрелянному в боях, Карпову Георгию довелось служить и на севере в Мурманской и Новгородской областях, и на юге — в Азербайджане. И опять подъёмы по тревоге днём и ночью, полёты в уже мирное время, чтобы не повторилось военное. И всюду рядом с ним жена — варит, кормит, обстирывает, шьёт, растит детей и ждёт, ждёт, ждёт...

После выхода папы в отставку родители приехали в Московскую область. На всю страну гремел широко известный химический комбинат минеральных удобрений, быстро развивающийся город Воскресенск, и они решили осесть здесь. Папа работал во Дворце культуры, мама занималась домом.

Я появилась у родителей, когда им было уже за 50, и до сих пор не перестаю удивляться, сколько у них было жизненных сил. В основном занимался мной папа. Всевозможные кружки и секции, спектакли и концерты в родном Дворце культуры, новогодние ёлки в Лужниках, Кремле, Колонном зале Дома Союзов, поездки на экскурсии — это всё папа. Без усталости водил он меня и моих подружек кататься на карусели в парке, ходил с нами в лес за грибами летом, зимой кататься на лыжах, — и это всё папа. Даже в школу в первый класс с букетом оранжевых гладиолусов, который был чуть ли не с меня — первоклассницу ростом, провожал меня папа. И наш основной с ним выход каждый год — на парад ветеранов 9 мая. Папа в парадном костюме с орденскими планками на груди, и я, раздувающаяся от гордости, вышагивала рядом с ним, размахивая флажком.

Безумно жаль, что папа мало времени был со мной, ненадолго его пережила мама, жаль — мало я знаю об их жизни, мала была и наивна, думала, что родители будут рядом всегда, а надо было смотреть во все глаза и слушать во все уши, дабы напитаться любовью и мудростью жизни.

Я приёмная дочь в своей семье, но когда речь заходит о родителях, я вспоминаю только их, представляю себя дочерью только с ними и горжусь тем, что могу сказать: я офицерская дочь, и мои родители — Георгий Герасимович и Елизавета Константиновна Карповы.

ПЮХТИЦКАЯ ПРОСВИРОЧКА

Пюхтица... Если тихо-тихо произнести это непривычное для русского человека слово, то наверняка услышишь плеск волны, шелестение листвы, дуновение ветра, благословенную тишину маленького эстонского местечка. Пюхтица в переводе с эстонского языка — святой. На северо-востоке Эстонии возле маленькой деревни Куремяэ есть холм, который с незапамятных времен зовут «святым» — Пюхтица. На холме и поныне растёт тысячелетний дуб. По преданию, в XVI веке два эстонских пастуха пасли стадо и вдруг увидели женщину необыкновенной красоты, от которой исходило небесное сияние. Обомлев от увиденного, пастухи стремглав бросились бежать в деревню, рассказывая всем встречным о своём видении. Когда жители деревни прибежали на место видения, под дубом лежала икона Успения Пресвятой Богородицы. С этого момента Пюхтица стала почитаемой православной святыней. После явления на Пюхтицкой горе Пресвятой Богородицы гора стала прозываться Богородицкой. На месте обретения иконы была построена деревянная часовня, в которой и пребывала чудотворная икона до момента начала строительства на этом месте православной обители. На Богородицкой горе, возле дуба, где была обретена икона, построили деревянный двуглавый храм с колокольней, в стенах которого заключили часовню и почитаемую икону. С этого момента в Пюхтице образовался православный приход. В те времена местность в тамошних краях была сильно заболочена, поэтому сложилось так, что основные постройки храмового комплекса расположены в некотором отдалении от места обретения чудотворной иконы Успения Богородицы. Но, наверное, благодаря этому и сложился прекрасный архитектурный ансамбль обители, где и была организована Пюхтицкая Успенская женская община. Святое место привлекло огромное количество паломников, став поистине местом молитвенного поклонения и призрения убогих и страждущих. Популярность общины стала столь высока, что Святейшим Синодом было принято решение преобразовать общину в монастырь.

За всё время существования обители (даже во времена становления советской власти в Эстонии) она никогда не подвергалась гонениям, в ней ничего не разрушалось, а только дополнялось и украшалось. Не прекращалось в ней и богослужение. Ежедневно многие сотни православных людей шли поклониться святым местам и чудотворной иконе. Старанием митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (в последующем патриарха Русской православной церкви Алексия II) на территории монастыря была построена монастырская гостиница для паломников. Главный храм монастыря — пятиглавый Успенский собор. Одним из жертвователей на строительство был св. праведный Иоанн Кронштадтский. Дорога, которая ведёт к собору, проходит через арку Святых врат со звонницей — четырёхугольной каменной постройки с шатровым верхом. Массивные толстые каменные стены, кованые тяжёлые железные ворота создают впечатление неприступной крепости, но это только кажущееся впечатление. Врата всегда, в любой день и час, открыты для жаждущих поклониться святыням.

Аккурат в год 1000-летнего юбилея принятия христианства на Руси, в 1988 году, ноябрьским, холодным, но на удивление солнечным утром, в Пюхтицу молодые родители привезли свою девятимесячную малышку принять таинство крещения святого. И имя девочке уже было давно дано — Татьяна, а мама всё тянула с крещением дочки, всё ждала, когда из Москвы приедет в гости её родная сестра, не хотела, чтобы дочку крестили неродные люди. И, только гости показались на пороге, родители тут же подхватились и на следующей же день поехали в Куремяэ. Монастырское подворье встретило паломников очень гостеприимно, но шла воскресная служба и пришлось подождать. Решили, что Бог ни делает, всё к лучшему. Было достаточно времени для осмотра территории монастыря. Полюбовались на тысячелетний дуб, поплескались у святого источника, побродили по монастырскому подворью. Поражала и старинная архитектура, и любовно обустроенный и ухоженный, как сейчас принято говорить, ландшафтный дизайн. Всё было бы хорошо, если бы молодая, но уже не юная, мама не забыла взять в по-

ездку коляску. Поэтому не худенькую, да к тому же закутанную в меховой мешок Танюшку родителям и будущей крёстной пришлось всё время носить на руках. Воскресная служба была долгой, взрослые с удовольствием бродили по монастырскому подворью, любуясь окрестной красотой в погожее утро, однако слегка ворчали на недогадливую маму, передавая с рук на руки спящего ребёнка. Время шло, взрослые стали уставать и присели на скамеечку недалеко от собора. Девочка тоже начала проявлять беспокойство. И тут, о счастье! Батюшка пригласил крёстных и детишек в Храм. Не успел священник приступить к обряду крещения, как Танюшка проснулась окончательно и решила, что наступило время кормления. Наверное, излишне говорить, что недогадливая мама не захватила с собой никакой еды, надеясь скоро освободиться. Детей на крещении было немного, Танюшка гудела как иерихонская труба, требуя еды. Новоявленная крёстная трясла ребёнка, как грушу, накачивая мускулы. Бедный раскрасневшийся батюшка пытался перекричать иерихонскую трубу. Обычно до определённого в ритуале крещения момента матери в Храм входить не полагается, но вконец отчаявшийся батюшка разрешил маме войти и попробовать унять плачущего ребёнка. Расстроенная от упрёков родных и укоров собственной совести, мама подросла к самому важному моменту — омовению ребёнка в купели. Надо сказать, что купель была изумительной красоты, блестящая от позолоты и сверкающая в лучах неяркого солнца. В момент омовения, в тёплой святой водичке, Танюшка вдруг замолчала и начала радостно хлопать ладошками по воде, подняв кучу брызг, которые, разлетевшись, попали на окружающих купель людей. Утомившийся батюшка, воспользовавшись передышкой, продолжил ритуал. На секунду сложилось впечатление, что он готов оставить эту горластную девочку в купели. Но строило ему только протянуть руки к Танюшке, как она снова завопила во всё горло. Мама отчаянно трясла ребёнка, но никак не могла его унять. Батюшка, проявляя чудеса долготерпения и смирения, наверное, взмолившись Господу, тихо спросил у мамы, всегда ли девочка так кричит. Мама, вся

в слезах, красная от стыда, призналась, что девочка просто хочет есть, а еды никакой нет. И только-то, обрадовался батюшка и попросил своего помощника принести просвиручку. Танюшка тут же умолкла, вцепилась в просвиручку и начала радостно её мусолить. Все облегчённо вдохнули, обрадовавшись тишине, и обряд крещения пошёл своим чередом.

После обряда всех пригласили в трапезную, где накормили очень вкусным грибным супом и топлёной в печи гречневой кашей. После трапезы, уставшая от крика и впечатлений, крещёная Татиана спала в машине, зажав в маленьком кулачке замусоленную спасительницу-просвиручку.

По преданию, Пюхтицкий монастырь очень любил святой Иоанн Кронштадтский. Известно его изречение, что от Пюхтицы до Бога всего три ступени. Он также предрёк: эта обитель будет стоять нерушимо, несмотря на то, что многие православные святыни будут уничтожены и осквернены. Это пророчество сбылось. Сейчас в монастыре бережно сохраняют память об этом почитаемом русском святом. В монастырском музее можно увидеть его личные вещи и церковное облачение. Среди монахинь ходит немало книг, подписанных именно им. Они достались современным послушницам от своих предшественниц.

И хочется верить, что Господь обязательно поможет моей уже взрослой дочке Татьяне ещё раз посетить место, где до Бога всего три ступени.

ПЦЫЦА

— У меня синий треугольник, синий треугольник! — завопила моя дочка-первоклассница, вбегая домой после школы. Танюшка носилась по квартире, переодеваясь, швыряя вещи, тараща глаза и не переставая вопить:

— Представляешь, мама, синий треугольник!!!

Я ещё не до конца осознала всю школьную трагедию и не могла понять, где и почему возник этот страшный

треугольник жуткого синего цвета. Дочка достала из ранца тетрадь, попрыгивала передо мной и трясла своей тетрадью перед моим лицом — синий треугольник — ужас!

Надо сказать, что в девяностые годы, когда Таня пошла в первый класс, система образования в России претерпела странные изменения. Мало того, что каждая школа почему-то учила первоклассников по каким-то неизвестно откуда взявшимся системам, да ещё кто-то наверху, во властях предрежащих, вдруг решил, что выставление учителями привычных оценок ученикам за знания негативно скажется на детской психике. Откуда и у кого в голове родились эти странные идеи, где эти люди росли, учились и выросли — загадка природы! Столько поколений училось в советское время, получая свои справедливые и даже не всегда справедливые оценки за знания (учителя ведь тоже люди, и люди разные), и что-то массового психоза среди учащихся на улицах городов и сёл не наблюдалось. Но, так или иначе, мнение родителей и учителей не спрашивают, и в тетрадях первоклашек вместо оценок появились эти странные разноцветные значки — круги, квадраты и треугольники. Я никак не могла запомнить эту градацию, какой знак что обозначает, но, глядя на подпрыгивающую и возмущённую дочку, поняла — случилось ужасное.

— Угомонись, успокойся и расскажи, за что синий треугольник? — остановила я дочку. Танюшка вытаращила свои черносливые глаза и трагическим шёпотом прошипела:

— По русскому языку за диктант!!!

Здесь пришла моя очередь удивиться. Дочка читать научилась рано, ещё лет в пять, охотно читала детям сказки в детском садике. В школу Танюшка собиралась без страха, училась хорошо, много читала, любила рисовать комиксы, и учительница её хвалила, поэтому полученный по русскому языку синий треугольник привёл в ужас и недоумение не только её, но и меня. Что же это за сложный диктант и сколько же надо было наляпать в нём ошибок, чтобы получить синий треугольник?

Я взяла многострадальную тетрадь, открыла последнюю страничку и оторопела! Диктант был небольшой, всего стро-

чек восемь — десять, написан красивым ровным почерком моей дочки и весь густо испещрён красными чернилами учительницы, исправлявшей ошибки. Я пробежала глазами текст и едва удержалась, чтобы не прыснуть вслух от смеха. Уже название диктанта выглядело странно и звучало довольно зловеще. Он назывался «Пщца». В первую минуту, визуально, я даже сразу не поняла смысл названия. Но, проговорив шёпотом это жуткое слово, догадалась, что это всего-навсего «Птица». Собственно ошибка в диктанте была только в одном слове, но поскольку эта самая «пщца» красной нитью пролетала через весь диктант и была упомянута в каждом предложении, весь текст раскрасился красными чернилами. Несчастная белобокая «пщца» была главной героиней диктанта и то строила гнездо, то перелетала с ветки на ветку, то пряталась в кустах, то что-то там клевала. Немудрено, что к концу диктанта «пщца» прожила жизнь и работала на синий треугольник. Прочитав текст, я не знала, плакать мне или смеяться. Дочка буравила меня глазами, пытаясь угадать мою реакцию.

— Возьми тетрадь над ошибками и напиши слово «птичка».

Танюшка добросовестно и совершенно правильно написала — «птичка».

— Теперь напиши «птенчик», — и снова слово было написано правильно.

— А сейчас не торопись, подумай и напиши — «птица».

Таня задумалась, закинула, как говорится в старинной поговорке, «глаза под образа», погрызла кончик шариковой ручки и неторопливо вывела — «птица». Я не верила своим глазам: слово, из-за которого появился страшный синий треугольник, было написано верно. Откуда же взялась злосчастная «пщца»? Все эти сомнения я высказала дочке. Танюшка задумалась ещё глубже, поморгала глазами и робко предположила, что, может, это учительница так невнятно читала диктант? Я мысленно представила себе Танюшкину первую учительницу Ольгу Геннадьевну — молодую красивую женщину с прекрасной чёткой дикцией хорошо поставленного голоса — и чуть не рассмеялась вслух.

Подумалось, что Таня просто не расслышала название диктанта и написала как слышалось, а дальше «пщыца» на лёгких крыльях полетела из предложения в предложение через весь диктант белым лебедем.

— Если сомневаешься, надо переспросить учительницу, а не придумывать невиданные и неслыханные слова, — напал на меня педагогический зуд. Но в ответ я мгновенно услышала:

— А я не сомневалась!!!

В тетради над ошибками дочка добросовестно исписала, как положено, две строчки словом, в котором была в диктанте допущена ошибка, и весь вечер убеждала меня, что больше синих треугольников получать никогда не будет.

Справедливости ради надо сказать, что, хотя работа над ошибками и была проведена, всё же время от времени невиданная «пщыца» случайно залетала в Танюшкины работы по русскому языку, как настоящие птицы возвращаются весной с юга в родные края.

Елена ХМЫРОВА

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

ГОРОД

Город называется Воскресенск. Он так называется уже восемьдесят лет, а раньше звался по-другому, но тогда и городом-то ещё не был...

Жители его — воскресенцы. В Одессе, например, — одесситы, а здесь — иначе. Было бы странно, если бы в Одессе жили одессенцы, а у нас — воскресситы. Так уж повелось, каждый хочет зваться поприличнее, даже петербуржцы не захотят, наверно, стать петербуржерами (вспоминается город Гамбург), а то уж слишком съедобными себя выставят...

Меня как-то спросили, чем, собственно, знаменит Воскресенск. Сразу возникли два нетленных образа: Химкомбинат и Хоккей. Великие Хи и Хо... Но, раз спрашивают, значит, не слишком уж великие теперь, многое ушло в прошлое. Шахматы у нас, кстати, уже давно процветают, но, кажется, слава шахматной столицы Васюки не прельщает воскресенцев...

Так вот, никто не стоял над Москвой-рекой и не возглашал величественно: «Здесь будет город заложен!» Не древний Воскресенск, как Рим, например, и никого вроде завоевывать не пытался. И башня тут не падает, как в Пизе (и, надеюсь, не будет). Нету здесь и собора Нотр-Дам (как в Париже). Зато есть старая церковь в Новлянске, звон колокола которой увековечил в одном из своих очерков великий русский романист Лажечников.

И, наверно, Иван Иванович Лажечников, проведший здесь детство, во многом «виноват» в том, что сейчас я воспринимаю свой родной город именно с литературной точки зрения, как ни странно. Хотя почему же странно, ведь местную писательскую эстафету приняли вдохновлённые нашей

природой известные советские поэты Инна Гофф и Константин Ваншенкин (тоже летние «перелётные птицы» здешних мест)... Что ж, новому поколению просто не остаётся иных вариантов, кроме как серьёзно замахнуться на достойное продолжение художественных традиций. Очевидно, пришло время открыть ещё одну страницу в истории нашей малой родины, вписав в неё золотыми буквами название очередного великого объекта, где, как сказал один из персонажей «Мастера и Маргариты», таланты должны зреть, как ананасы в оранжереях. И я знаю людей, которые уже сейчас достаточно «созрели» для того, чтобы усадьба Кривякино, где проводятся заседания Литературного общества, могла смело именоваться в общем ряду как Великая Кри... Позволю себе напоследок вольно перефразировать всем известную песенку из всенародно любимого фильма:

Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс,
На вас, конечно, рано ставить крест,
Но умнице Фортуне, ей-богу, не до вас,
Пока есть в Подмосковье Воскресенск!

Людмила ЧЕБЫШЕВА

Член Союза писателей России

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

* * *

Русь, трудна твоя дорога,
Задыхалась ты в огне,
Но звучит во славу Бога
Гордо Слово на земле.

Слово русское, родное,
Миро льётся со страниц,
Задевая за живое.
Я пред ним склоняю ниц

Голову свою седую.
И святых благодарю
За кириллицу родную,
За святую Русь свою.

Велика моя Россия,
И могуч, красив язык!
Слово — вечно, слово — сила,
Слово — лирики родник!

* * *

Стихи, как дети, плод любви,
Плод мыслей, чувств и вдохновенья,
Порою это — крик души,
От одиночества спасенье.

Стихи как исповедь грехов,
Сомнений и ошибок тайных,
Счастливые мгновенья снов,
Встреч долгожданных и случайных.

Как зеркало души они.
То радости полны, то боли,
То грусти, то большой любви...
А сколько их о женской доле!

Стихи — симфония души!
В них столько музыки и счастья!
Порой в полночный час в тиши —
Как лучик солнца в день ненастный,

Вдруг появляется строка
То звонкая и озорная,
То словно шёпот ручейка,
А то кричащая, шальная.

Лишь миг — и ты в плену опять.
Мечты уносят вдаль. Не спится...
И первой строчкою в тетрадь
Рождённый в муках стих ложится.

* * *

Наша малая родина —
Это поле пшеничное,
Возле дома смородина
И места земляничные.

Наша родина светлая —
Это песнь соловьиная,
Это роща заветная
И тропинка любимая.

Наша милая родина —
Это песнь колыбельная,
Это мамина родинка,
Это грусть неподдельная.

Всё, что в жизни есть ценное, —
Это ты, синеокая,
Ты любовь сокровенная,
Наша юность далёкая.

Марина ЯКУБОВСКАЯ

г. Воскресенск

ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова

НАГЛАЯ ПТИЦА

Я могла бы без рифмы родиться,
Но грешно мне, Бог видит, об этом.
И стучит стихотворная птица
Прямо в окна — плохая примета.

Открываю. В ладони даётся
Под предлогом поесть, обогреться...
И приносит незримое солнце,
И сажает его вместо сердца.

Вот и всё, что мне в жизни осталось:
Это солнце да наглая птица.
Что ж ты, дурочка, расщебеталась?
Что ж ты, глупое, рвёшься разбиться?..

СВЯТАЯ ВЕСНА

Весна пришла из рая —
Чистая, святая,
Поющая молитвы
На многих языках.
И не отыщешь края —
Разлетелась стаей
Грачей, скворцов и прочих
Голосящих птах!

А ты её о камни
Грешными руками
Со всей весенней дури
Мартовских стихов.

А ты её словами,
Хлёсткими до брани,
И полупьяной песней
В два десятка строф.

А ты её в берлогу,
Пахнущую грогом,
Не пускаешь... Видишь?
Разлилась река!
Весна пришла от Бога
Праведной дорогой.
А ты её, безумец,
Винишь в своих грехах.

* * *

Белому озеру

Место, где сердце и больше, и чище.
Рушатся беды, как старенький мостик.
Я прихожу сюда светлой и нищей,
Дочерью я возвращаюсь — не гостей.

Вечно за что-то любимым ребёнком
Молча приду — и закончатся войны.
Всё. Можно быть уязвимой и тонкой.
Можно во веки веков быть спокойной.

И, исповедана гладью озёрной,
И, успокоена шёпотом леса,
Вновь становлюсь никому не покорной —
Как это сильное, мудрое место.

Содержание

Л. Дудин. А что там, за звёздами?	3
Леонид ДУДИН	6
Виктор ЛЫСЕНКОВ	12
Сергей АНТИПОВ	17
Зоя БОНДАРЕНКО	21
Вера БОНДАРЕНКО	38
Михаил БУЛЕКОВ	40
Ольга БУХАРКИНА	45
Сергей ГЛЕБОВ	49
Галина ГЛЕБОВА	52
Владимир ДУБРОВИН	54
Дарья ДУХЛЕНКОВА	62
Антон ДЫНИН	64
Марина ЗОЛОТОВА	68
Людмила КОРОБОВА	71
Марина КАБАНОВА	76
Вера КОШЕЛЬКОВА	78
Лидия КОЗИНА	79
Алексей КУЛЕШОВ	80
Тамара КУРБАЦКАЯ	81
Юрий ЛУКИНОВ	82
Андрей ЛЫСЕНКОВ	86
Галина ЛОТОС	88
Юлия МУСАТОВА	89
Олег МАЗУР	90
Денис МИНАЕВ	92
Ольга НОВИКОВА	94
Светлана ПРОХОРОВА	104
Андрей ПЕТРАКОВ	106
Зинаида ПОНАСЕНКОВА	108
Вера ПОЛЯКОВА	112
Дарья СОРОКИНА	113
Галина САМУСЕНКО	116
Александр СКАБЁЛКИН	120
Елена СЛОБОДЯНЮК	122

Ольга СТЕПАНОВА	124
Нина САЗОНОВА	126
Пётр ТИМОШКИН	127
Марина УШАКОВА	128
Елена ХМЫРОВА	143
Людмила ЧЕБЫШЕВА	145
Марина ЯКУБОВСКАЯ	147

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ СЛОВА

Сборник лирики и прозы
членов литературного объединения
«Радуга» им. И.И. Лажечникова
г. Воскресенска Московской области

Главный редактор: *Л.А. Дудин*

Составитель: *О.А. Новикова*

Редколлегия: *С.С. Антипов, Д.В. Минаев*

Дизайн обложки: *Е.В. Анисимова*

Корректор: *А.Е. Русских*

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин: <http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 01.11.2018

Формат 60х90/16. Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая.

Объём 8,75 усл. п/л. Гарнитура BalticaC.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru